

Заветная
полка

Софи де Сегюр

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ

Софи де Сегюр СОНИНЫ ПРОКАЗЫ

Мы возвращаем в детскую библиотечку незаслуженно забытые произведения ушедших времен, и пусть книжная полка, на которой наши прабабушки и прадедушки хранили самое ценное, станет и нашей **Заветной полкой**.

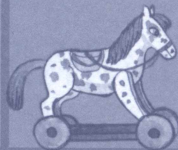
Веселые затеи и озорные проделки маленьких героев старых повестей, их беды, надежды и радости будут и сегодня интересны мальчикам и девочкам не меньше, чем их сверстникам в далеком прошлом.

Автор историй об озорной и непослушной девочке Соне – французская писательница XIX века Софи де Сегюр (урожденная Ростопчина), чьи книги для детей до сих пор очень популярны в Европе.

ISBN 978-5-91921-009-2

Софи де СЕГЮР

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ

Художник
Л. Одинцова

Москва
ЭНАС-КНИГА

2011

УДК 82-053.2
ББК 84(4Фр)
С28

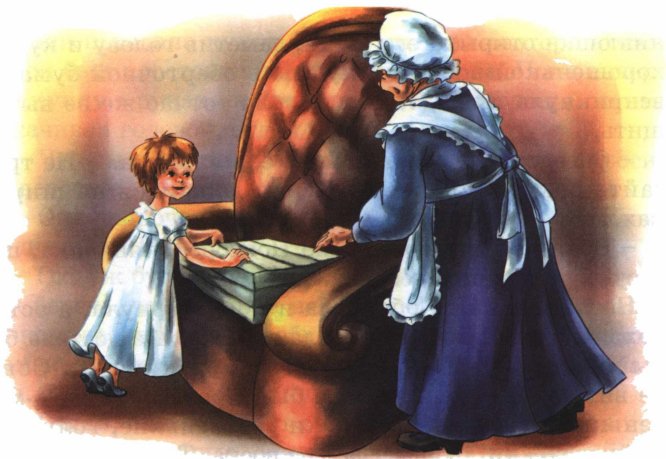
Sophie de Ségur
Les Malheurs de Sophie

Перевод с французского
А. А. Разимова

ISBN 978-5-91921-009-2
(ЗАО «ЭНАС-КНИГА»)
ISBN 978-5-4216-0008-4
(ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС»)

© Одинцова Л. Иллюстрации, 2011
© Хондکاریан Г. Н. Литобработка, 2011
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2011
© ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС», 2011

Глава I

ВОСКОВАЯ КУКЛА

– Нянюшка, нянюшка! – кричала Соня, вбегая в свою комнату. – Пойдемте скорее, откупорьте ящик, что папенька прислал мне из Парижа. Должно быть, это восковая кукла, он обещал мне прислать восковую.

– Где же ящик? – спросила нянюшка.

– В прихожей, пожалуйста, пойдемте поскорей, умоляю вас!

Нянюшка отложила работу и пошла за Соней в прихожую. В кресле стоял белый деревянный ящик,

нянюшка открыла его. Соня, заметив голову и кудри хорошенькой восковой куклы в оберточной бумаге, вскрикнула от радости и хотела тотчас же ее вытащить.

– Осторожнее! – остановила ее нянюшка. – Не трогайте покуда, сломаете. Кукла держится на шнурках.

– Оборвите, выдерните их! Поскорее, нянюшка, поскорее, – торопила девочка.

Но нянюшка не оборвала и не выдернула, а осторожно ножницами перерезала веревочки и достала барышне куклу. Такой хорошенькой куколки Соня не видывала. Щечки у нее были розовенькие, с маленькими ямочками, глазки светленькие, голубые, шейка, ножки, ручки – все из воска. Такая хорошенькая и полненькая! Одета куколка была очень просто: кембриковое* платье, голубой поясик, бумажные чулочки и лакированные черные полусапожки.

Соня раз двадцать поцеловала куколку и, держа ее в руках, принялась прыгать и плясать. Услышав, как девочка веселится, прибежал ее двоюродный брат Поль. Ему было пять лет, и он гостил у Сони.

– Поль, смотри, какую хорошенькую куколку мне прислал папа! – закричала Соня.

– Дай мне, дай посмотреть, – попросил мальчик.

– Ты разобьешь ее.

– Нет, я остороженько буду держать, я тебе ее сейчас же отдам, – упрасивал он.

* К е м б р и к – тонкая хлопчатобумажная тканьь.

Соня передала куклу брату, еще раз повторив, чтобы он был поосторожней и не уронил ее. Поль повертел куклу в руках, осмотрел ее со всех сторон и потом, покачивая головой, отдал Соне.

– Что ты качаешь головой? – с недоумением спросила девочка.

– Она непрочная, ты скоро сломаешь ее, – убежденно предрек Поль.

– Ох, уж будь спокоен! Я буду ее беречь, так беречь, так беречь, что никогда не сломаю! – Соня кружилась по комнате, прижав к себе игрушку. – Пойду попрошу маменьку, пусть пригласят на завтрак Камилу и Мадлен, я покажу им куколку.

– Гляди, они разобьют ее, – предостерег ее Поль.

– Нет, они добрые, они не разобьют! Они знают, что, если разобьют, мне будет жаль куколку, и я буду плакать. Не разобьют! – в упоении повторяла Соня и не слушала брата.

Назавтра, в ожидании подруг, Соня причесала и одела куколку. Девочка расправляла кукольное платьице, и вдруг ей показалось, что куколка что-то бледна.

«Ей, верно, холодно, – решила Соня, – и ножки у нее озябли. Положу ее на солнце, пусть все знают, как я берегу свою куколку, как забочусь, чтобы ей было тепло». И Соня пошла к окошку в зале, чтобы положить куклу на солнце.

– Что ты делаешь у окошка, Соня? – спросила ее мать.

– Маменька, я хочу погреть куколку, она озябла.

– Гляди, она растает!

– Нет, маменька, не бойтесь, она твердая такая, как дерево.

– А от жара все-таки растает. Не приключилось бы с ней беды!

Но Соня, не поверив матери, положила куклу куда собиралась – на самое солнышке.

В это время она услышала стук подъехавшей кареты. Ах, это к ней гости! Соня выбежала навстречу, Поль ждал гостей на крыльце. Гости все вместе вбежали в залу, все разом говорили, и никто друг друга не слушал. Как им ни хотелось видеть куклу, надо было поздороваться с госпожой де Реан, матерью Сони. Затем они подошли к Соне, которая держала куклу в руках и с ужасом смотрела на нее.

– Куколка слепая, у нее глаз нет! – ахнула Мадлен.

– Какое несчастье! А она такая хорошенькая, – с жалостью смотрела на игрушку Камила.

– Но как она ослепла? – спросила Мадлен. – У нее же были глаза?

Соня не отвечала, она смотрела на куклу и плакала.

– Я говорила тебе, Соня, что с куклой будет беда, если положить ее на солнце, – вмешалась госпожа де Реан. – Еще счастье, что лицо и руки не успели растаять. Полно, не плачь, я искусный лекарь, погоди, может быть, я вылечу твою куклу.

– Ах, мама, это невозможно! Глаз у нее нет совсем! – рыдала безутешная Соня.

Госпожа де Реан с улыбкой взяла куклу и слегка потрясла – было слышно, как что-то катается в ее голове.

– Слышишь? Это глаза стучат, – сказала госпожа де Реан. – Воск растаял вокруг глаз, и они провалились. Я попробую достать их. Разденьте покуда куколку, дети, а я пойду за инструментами.

Тотчас же Поль и три девочки бросились раздевать куклу. Соня уже не плакала, она с нетерпением ждала, что будет.

Через некоторое время маменька воротилась, взяла ножницы и разрежала там, где кукольное тельце было пришито к головке. Глаза вывалились оттуда и упали ей на колени. Госпожа де Реан аккуратно взяла их щипчиками, установила на прежнее место и, чтобы они не выпали, залила жидким воском, принесенным в маленькой кастрюльке. Затем она немного подождала, пока воск застыл, и пришила голову к туловищу.

Девочки все это время не шевельнулись. Соня со страхом следила за матушкиными руками. Она боялась, что дело непоправимо, но когда увидела, что куколка исправлена и стала опять такой же хорошенькой, как была, бросилась к госпоже де Реан, обняла и расцеловала ее.

— Спасибо, маменька, — без конца благодарила она, — спасибо! В другой раз я буду слушаться вас, непременно буду!

Куколку одели, и Соня с торжеством стала носить ее по комнате, припевая:

Мамочка любимая,
Как я вас люблю!
Как я расцелую
Мамочку мою!

Прожила куколка недолго. Соня ее любила и всячески заботилась о ней, но мало-помалу куколка подурнела и наконец приказала долго жить. Вот как это случилось.

Как-то раз Соне пришло в голову, что следует помыть куколку (моют же детей), она взяла воды, губку, мыло и принялась за дело. Девочка постаралась вымыть ее почище, так что все цвета сошли — щеки и губы стали бледными, словно куколка больна, и остались такими навсегда. Соня плакала, но куколка не становилась румянее.

В другой раз Соне показалось, что недурно бы завить ей волосы, и вот она старательно завернула

их в папильотки* и прижгла горячим утюгом, чтобы держались покрепче. Но когда Соня стала снимать папильотки, вместе с ними снялись и волосы – утюг был чересчур горяч и сжег куколкины волосы. Соня плакала, но от этого у куколки волосы не выросли.

Соня очень заботилась о воспитании своей «дочки». Как-то ей вздумалось научить куколку прыгать. Девочка подвесила ее на нитке, но та была слишком тонка и лопнула. Куколка упала и сломала себе руку. Маменька пробовала починить ее, но многих кусочков не хватало, пришлось растопить много воску, и одна рука стала короче другой. Соня плакала, но одна рука у бедняжки так и осталась короче другой.

Потом Соне пришло в голову, что ножные ванны будут очень полезны для куколки, ведь принимают же их взрослые. Она налила кипятку в небольшое ведро и окунула в него куколкины ножки. Вынула, и что же? Ножки растаяли и стекли в ведро. Соня плакала, но куколка так и осталась безногой.

После всех этих злоключений Соня разлюбила свою куколку (она стала такой страшной), тем более что подруги смеялись над Соней. Наконец, Соне вздумалось научить куколку лазить по деревьям. Она посадила ее на сучок, но куколка не умела держаться на ветке и упала. Головой она попала на камень и расшиблась вдребезги. Соня не плакала – она пригласила подруг на куколкины похороны.

* Папильотки – небольшие жгутики, сделанные из ткани или бумаги, на которые накручивали прядь волос для завивки.

ПОХОРОНЫ

На похороны куколки приехали Камила и Мадлен. Они были в восторге от этой выдумки, Соня и Поль радовались не меньше их.

– Пойдемте скорее! – с нетерпением звала Соня. – Мы вас ждали, не клали в гроб до вашего приезда.

– Во что же мы ее положим? – поинтересовалась Камила.

– У меня есть старый ящик для игрушек, нянюшка обила его розовым коленкором, очень мило, пойдемте посмотрим, – предложила Соня.

Дети побежали в комнату госпожи де Реан, где нянюшка дошивала изголовье и перинку, чтобы уложить на них покойницу. Дети были в восторге от хорошенького гробика. Чтобы не было видно разбитой головы, растаявших ног и сломанной руки, куколку покрыли кусочком розовой тафты*.

Ящик поставили на носилки, которые маменька приказала сделать. Всем хотелось нести покойницу, но это было невозможно, места было только для двоих. Дети немного потолкались, поспорили и наконец решили, что Соня и Поль, самые младшие, понесут носилки, а Камила и Мадлен пойдут одна впереди, другая позади и понесут корзину цветов и листьев, чтобы бросить их на могилу.

* Тафта – блестящая шелковая ткань.

Когда шествие достигло Сониного сада, носилки с ящиком, заключавшим останки несчастной кукол-ки, поставили на землю. Начали копать могилу, опу-стили в нее гроб, бросили на него цветов и листьев и засыпали могилу землей. Дети сравняли землю во-круг и посадили на могиле две лилии. А потом побе-жали к огородному водоему и набрали две лейки воды – полить лилии.

Тут начались новые шалости – сколько смеху было! Стали поливать друг другу ноги, бегать друг за дру-гом, спасаться от воды. Сколько крику! Сколько весе-лья! Никогда не бывало таких веселых похорон. Прав-да, умерла ведь всего лишь старая кукла, полинялая,

безволосая, безногая, безголовая – никто не любил ее, никто не жалел.

День прошел превесело: Камила и Мадлен, уезжая, спросили Соню и Поля, нельзя ли разбить еще какую-нибудь куклу, чтобы справить опять такие же веселые поминки.

Глава III

ИЗВЕСТКА

Сонечка была не очень послушной девочкой. Маменька запретила ей одной ходить на двор, где каменщики строили птичник для кур, павлинов и цесарок*. Соня любила поглазеть, как работают каменщики. Если маменька шла туда, то всегда брала с собой и дочку, но приказывала от себя не отходить. Соне же хотелось побегать повсюду, и она однажды спросила:

– Маменька, почему вы не позволяете мне ходить одной, без вас, смотреть, как работают каменщики? А если пойдем вместе, отчего вы велите мне не отходить от вас?

– Оттого, что каменщики бросают камни и кирпичи. Они могут попасть и в тебя. А еще оттого, что там есть песок, известка – ты можешь поскользнуться. Попадешь в известку – больно будет.

* Цесáрка – домашняя птица, похожая на курицу.

– Ах, маменька, я буду ходить осторожно, а уж известка мне ничего не сделает.

– Ты так думаешь, потому что не знаешь, как жжется известка.

– Но, маменька...

– Пожалуйста, не рассуждай слишком много, замолчи! – прервала ее мать. – Я лучше тебя знаю, что тебе может повредить, а что нет. Я не хочу, чтобы ты без меня ходила на двор.

Соня опустила голову и не проронила ни слова, только скорчила недовольную рожицу и сказала про себя: «А я все-таки пойду, хочу и пойду!»

Случая ждать пришлось недолго. Час спустя садовник пришел доложить, не угодно ли госпоже де Реан выбрать герани, принесенные на продажу. Соня осталась одна.

Она огляделась по сторонам – не видят ли ее нянюшка или горничная? – и, уверившись, что поблизости никого нет, подбежала к двери, отворила ее и пошла на двор. Каменщики работали и не обращали внимания на Соню, а она гладела на них – все ей надо было видеть, все рассмотреть. Она стояла подле чана с известкой, белой и ровной, как сливки.

«Какая она белая, – думала Соня, – мне не удавалось разглядеть ее, маменька не позволяет подходить. Как она ровно лежит! Пройду-ка через весь чан, прокачусь на ногах, как по льду».

И вот Соня ступила на известку, думая, что она такая же твердая, как земля, но нога провалилась. Чтобы не упасть, она ступила другой ногой и до колен

ушла в известку. Тут Соня закричала. Подбежал испуганный каменщик, вытащил ее, поставил на землю и говорит:

– Поскорей снимите, барышня, чулки и башмаки, они уже сгорели. да поторопитесь, не то известка пожжет вам ноги!

Соня взглянула на ноги: хоть сверху и держалась еще известь, но видно было, что башмаки и чулки почернели, точно побывали в огне. Она закричала еще громче, потому что известка стала пощипывать и жечь ноги.

К счастью, няня случилась неподалеку; она прибежала, тотчас догадалась, в чем дело, живо стащила

с Сони чулки и башмаки, вытерла ей ноги передником, схватила Соню на руки и бросилась в дом. Когда девочку внесли в комнату, туда вошла и госпожа де Реан, чтобы заплатить деньги цветочнику.

— Что случилось? — с беспокойством спросила она. — Ты больна, Соня? Отчего ты без чулок?

Соня от стыда не могла вымолвить ни слова. Нянюшка рассказала, в чем дело и как Сонины ноги спаслись от ожога.

— Не будь я близко и не прибеги вовремя, с ее ножками было бы то же, что с моим передником. Поглядите, сударыня, весь сгорел от известки, весь в дырах.

Госпожа де Реан увидела, что нянюшкин передник и в самом деле уже никуда не годен. Она обернулась к Соне и сказала:

— Вас бы следовало высечь, сударыня, за непослушание, но Бог уже наказал вас, вы никогда не забудете, как перепугались! А теперь в наказание извольте сейчас же отдать нянюшке за передник пятифранковик*, который я вам подарила и который вы берегли на сельский праздник.

Как Соня ни умоляла, маменька была непреклонна, и деньги пришлось отдать. Горько плача, Соня обещала впредь слушаться маменьку и не ходить, куда не следует.

* Пятифранковик — серебряная монетка достоинством в пять франков.

Глава IV

ЦЫПЛЕНОК-ЧЕРНУШКА

Соня ежедневно ходила с матерью на птичий двор, где было много красивых разных пород кур. Госпожа де Реан велела подложить под наседку яйцо, из которого должна была вылупиться хорошенькая хохлатая курочка. Каждый день они с Соней ходили узнать, не вылупился ли цыпленок. Соня носила с собой корзиночку хлеба и крошками кормила кур. Как только она приходила, все куры и петухи бежали к ней, прыгали вокруг, клевали хлеб чуть ли не из рук, из корзины. Девочка хохотала, бегала, куры за ней, это ее ужасно забавляло.

Пока дочка так развлекалась на дворе, госпожа де Реан шла в большую галерею, где помещались куры. Жили они по-княжески, за ними было больше ухода, чем за иной княгиней. Соня, скормив весь хлеб, бежала к матери. Она смотрела, как цыплятки вылуплялись из яиц. Были там и молоденькие птицы, которым рано еще было бегать на воле.

Как-то утром, войдя в курятник, Соня увидела, что маменька держит на руках крошечного цыпленка, который вылупился из яйца всего час назад.

– Какой хорошенький, маменька! Перышки такие черненькие, точно у ворона! – восхитилась Соня.

– Посмотри, какой замечательный хохолок, отличная курочка выйдет, – госпожа де Реан бережно поворачивала птенчика на ладони.

Когда они нагляделись на пушистый комочек, маменька положила цыпленка обратно. Но не успела она его посадить, как наседка больно клюнула малыша. Госпожа де Реан шлепнула курицу по голове, подняла птенчика – он упал, бедненький, – и опять посадила подле наседки. Та опять набросилась на него. Он бросился прочь, наседка за ним.

Госпожа де Реан подбежала, схватила цыпленка, которого курица чуть было не заклевала до смерти, и, чтобы он оправился, дала ему глоток воды.

– Что нам делать с этим цыпленком? – озадаченно промолвила она. – С этой злой наседкой оставить нельзя – убьет, а он такой хорошенький, мне бы хотелось вырастить его.

– Давайте, маменька, посадим его в корзину, в той комнате, где мои игрушки. Мы его станем кормить, а когда вырастет – пустим в курятник.

– Твоя правда, снеси его в своей корзинке, мы ему устроим гнездышко, – согласилась мать.

– Ах, маменька, посмотрите на его шейку: кровь идет. И из спинки тоже.

– Это наседка наклевала. Когда принесешь домой, спроси у няни мази, пусть смажет ему ранки, – и госпожа де Реан передала птенчика дочери.

Соне неприятно было глядеть на кровь, но ей очень понравилось, что она станет его лечить. Побежав домой вперед матери, он отнесла цыпленка к няне, и они вдвоем принялись хлопотать над ранками. Потом няня приготовила месиво из яиц, хлеба и молока, мешала и растирала все это целый час. Бедный цыпленочек

сидел нахохлившись и ничего не ел, только несколько раз попил понемногу водицы.

Через три дня раны зажили, и цыпленок стал бегать у садового крыльца. Через месяц он вырос и стал прехорошеньким. На вид ему был не месяц, а целых три. Перышки у птенчика были иссиня-черные, как вороново крыло, гладенькие, блестящие, точно он из воды вышел. На голове вырос хохолок. Тут всякие перышки были: черные, оранжевые, голубые, красные и белые; клюв и лапки – розовые. Держался он гордо, живые глазки так и блестели. Словом, лучше цыпленка и не видывали.

Соня берегла и холила его, давала корм, охраняла, пока он бегал около дома. Сторожить его становилось нелегко, и через несколько дней его хотели перенести в курятник. Соне не раз по полчаса приходилось бегать за ним, чтобы изловить. Раз, спасаясь от Сони, он бежал так быстро, что попал в водоем и чуть было не утонул. Соня пробовала привязать его ленточкой за лапку, но он стал так биться, что пришлось отвязать, иначе он сломал бы себе ножку. После этого маменька приказала не выпускать его на двор.

– Тут много коршунов, – предупредила она, – еще унесут, пожалуй. Пусть подрастет, тогда его можно будет выпускать.

Но Соня не послушалась и украдкой выводила его гулять. Однажды, зная, что маменька занялась письмами, она вынесла цыпленка во двор, он принялся рыться в песке и траве, отыскивать мушек и червячков. Соня неподалеку расчесывала куклу и беспре-

станно поглядывала, как бы цыпленок не забежал далеко. Подняла она глаза и видит: шагах в трех от цыпленка уселась огромная птица с крючковатым клювом. Смотрит на цыпленка сердито и на Соню косятся. Цыпленок присел, трясется весь и шелохнуться боится.

«Что за глупая птица! – подумала Соня. – Красивая, только какая странная! На меня смотрит, точно боится, а на цыпленка – точно съесть хочет. Смешная какая!»

В это самое мгновение птица резко крикнула, бросилась на цыпленка – тот запищал только! – схватила его в когти и быстро взлетела.

Соня сидела точно ошеломленная. Маменька услышала птичий крик и прибежала узнать, что случилось. Соня ей рассказала, как птица унесла цыпленка, и прибавила, что не понимает, что это значит.

— Это значит, что ты непослушная девочка! — рассердилась маменька. — А птица, унесшая цыпленка, это коршун. Простись теперь с цыпленочком навек. А за непослушание извольте отправиться в свою комнату и остаться там до вечера. Там и пообедаете.

Соня опустила головку и грустная пошла в свою комнату. На обед нянюшка (она очень любила свою барышню и не могла видеть, когда та плачет) принесла ей супу и мясное блюдо. Соня горько плакала по цыпленку и долго вспоминала про него.

Глава V

Кудри

Соня была щеголихой: она любила наряжаться, ей приятно было слышать, что она хорошенькая. А она была вовсе не красавицей: у девочки было веселенькое, свеженькое и полное лицо, серые глазки, вздернутый и немного толстоватый носик, большой, вечно готовый хохотать рот. И русые волосы, но не курдювые; ее стригли коротко, как мальчика.

Соня любила наряжаться, но была всегда просто одета: обыкновенное белое открытое кембриковое платье с короткими рукавами, зимой и летом, довольно

грубые чулки и черные кожаные башмаки. Она не знала ни шляпы, ни перчаток. Маменька думала, что дочке следует привыкнуть к солнцу и дождю, к ветру и холоду.

Но больше всего на свете Соне хотелось, чтобы волосы у нее вились. Она слышала, как однажды хвалили русые кудри ее подруги Камилы Флервиль, и с тех пор только и думала о том, как бы сделать волосы кудрявыми. Думала-думала – и придумала.

Как-то после обеда шел дождь, но было тепло, а потому не затворили ни окон, ни дверей на крыльцо. Соня стояла у дверей: мать запретила ей выходить, вот девочка и стояла, переминаясь с ноги на ногу. От нечего делать она то протягивала руку за дверь и ловила в горсть несколько капель, то вытягивала шейку, чтобы дождь попадал ей на голову. Высунув головку, она увидела, что из желоба бежит широкая струя воды. И тут вспомнила, что у Камилы волосы выются лучше, когда их намочат.

«А что если я намочу свои? – подумала Соня. – Может быть, и у меня станут виться?»

И Соня, несмотря на дождь, вышла и стала под желоб. Ах, как весело! Вода льется на голову, на шею, на руки, на спину! Но, кажется, довольно уже, волосы все мокрые. Соня вошла в залу и принялась вытирать мокрую голову платком и взбивать волосы, чтобы они закудрявились. Платок намок в одно мгновение. Соня побежала было в свою комнату, чтобы попросить у няни другой, как вдруг ей навстречу вышла маменька. Соня остановилась как вкопанная (вымокшие

волосы стояли щетинкой) и испуганно ждала, что будет. Маменька сначала изумилась, но потом, разглядев девочку, не могла не расхохотаться.

— Прекрасная выдумка! — воскликнула она. — Если бы ты видела, какое у тебя сейчас лицо, ты бы сама над собой посмеялась. Я запретила тебе выходить, а ты, по обыкновению, не послушалась. В наказание за это извольте, сударыня, явиться к обеду в этом самом виде — с волосами щетинкой, в вымокшем платье. Пусть папа и Поль полюбуются на вас. Вот платок, оботри лицо, шею и руки.

Только госпожа де Реан окончила свою речь, как вошли Поль и господин де Реан, остановились перед

бедной Соней и оба расхохотались. Девочка была в отчаянии, ей было так стыдно! Чем больше Соня краснела, чем ниже опускала голову, чем несчастнее и горемычнее строила рожицу, тем смешнее казались растрепанные волосы и мокрое платье.

– Что значит этот маскарад? Кажется, нынче не Масленица*, – заметил господин де Реан.

– Это она, наверное, придумала, как заставить волосы виться. Ей непременно хотелось, чтобы у нее были такие же кудри, как у Камилы, а та мочит волосы, чтобы они кудрявились. Соня подумала, что стоит только намочить волосы... – предположила маменька.

– Вот до чего доводит щегольство! Хотела быть хорошенькой, а вышла смешной, – покачал головой отец.

Полю стало жаль сестру:

– Сонечка, поди скорее обсушись, причешись и переоденься. Если бы ты знала, какая ты смешная, ты бы и двух минут не осталась в этом виде.

– Нет, она так и отобедает: в этой прелестной прическе и в этом чистеньком платьице... – вмешалась госпожа де Реан.

Но Поль с жаром стал просить за Соню:

– Ах, тетя, пожалуйста, простите ее! Позвольте ей переодеться и причесаться. Бедная Соня, как мне ее жаль!

* М а с л е н и ц а – многодневный праздник, посвященный проходам зимы и встрече весны. В это время пекут блины; устраивают гулянья и всяческие потехи, в том числе и с переодеваниями.

– В самом деле, милая, прости ее, и я прошу вместе с Полем, – поддержал его господин де Реан. – Другое дело, если она и в следующий раз...

– Уверяю, папенька... Поверьте, это... в последний раз! – рыдала Соня.

– Только ради отца я позволяю тебе пойти в свою комнату и переодеться, – смягчилась госпожа де Реан. – Но вот обедать с нами ты сегодня не будешь. Придешь в залу, когда мы встанем из-за стола, – распорядилась она.

– Ах, тетя, позвольте... – начал было Поль.

– Нет, Поль, не проси, как я сказала, так и будет, – решительно оборвала его госпожа де Реан и обернулась к дочери: – Можешь уйти.

Соня пошла в детскую, переделалась, причесалась и пообедала одна. Поль после обеда пошел за ней, и оба стали играть в зале.

С того дня кудри Соне разонравились, и под дождем она больше не бегала.

Глава VI

ЛОШАДИНОЕ ЛАКОМСТВО

Соня была сластена. Маменька знала, что много есть вредно для здоровья, поэтому она запретила дочери перекусывать между трапезами, но Соня постоянно была голодна и ела все, что попадалось под руку.

Каждый день после завтрака, часа в два, госпожа де Реан ходила кормить мужниных лошадей, их было больше сотни. Соня всегда носила за ней корзинку черного хлеба и подавала матери по куску. Девочке было строго-настрого запрещено есть этот хлеб — он дурно выпечен и вреден для желудка.

После всего они заходили в конюшню, где стояли пони. У Сони была своя лошадка, которую ей подарил папенька. Это был прехорошенький черный пони, немного побольше маленького ослика. Девочке было позволено самой кормить его. Часто случалось, что Соня, прежде чем дать хлеб лошадке, сама откусывала кусочек.

Однажды ей так захотелось черного хлеба, что она зажала ломоть в ладошке, выставив из-за пальцев только самый краешек горбушки. «Пони откусит только этот маленький кусочек, – рассудила она, – а остальное я сама съем». И поднесла кулачок с лакомством к пони. Лошадка укусила хлеб, но в то же время сильно досталось и Сониным пальцам. Соня не смела вскрикнуть, от боли уронила хлеб, а довольная лошадка тотчас подхватила его и выпустила Сонины пальцы.

Из укуса сильно потекла кровь. Соня вынула платок и накрепко обернула им пальцы. Кровь остановилась, только весь платок вымок. Соня спрятала руку под передник, и мать ничего не заметила.

Когда сели за стол, кровь все еще немного сочилась. Беря ложку, стакан, хлеб, Соня запачкала кровью скатерть. Мать заметила это.

– Что с твоей рукой, Соня? – обеспокоенно спросила она. – Вокруг твоей тарелки кровавые пятна.

Соня не проронила ни слова.

– Разве ты не слышишь, о чем я тебя спрашиваю? Откуда эта кровь? – повторила мать.

– Это... это из пальца, – прошептала Соня.

– Из пальца? И давно он у тебя болит? – испугалась госпожа де Реан.

– С утра, маменька. Меня лошадка укусила.

– Странно, лошадка такая смирная. Почему она тебя укусила? – удивилась госпожа де Реан.

– Когда я ее кормила хлебом... – проговорила Соня.

– Ты, верно, не так держала кусок, как я тебя учила? Я же говорила, что надо положить хлеб на открытую ладонь, – догадалась мать.

– Я, маменька, в пальцах держала.

– Вечные глупости! Раз так, больше ты не будешь кормить лошадей. – И мать отослала Соню перевязать рану.

А девочка в это время думала, что она все равно будет носить корзинку с хлебом и сможет откусывать то от одного ломтика, то от другого.

Назавтра она снова понесла в конюшню за матерью корзинку с хлебом. Подавая ей по кусочку, девочка спрятала один ломоть в карман и съела, пока маменька не видела.

Когда подошли к последней лошади, выяснилось, что куска не хватает. Конюх уверял, что положил в корзину ровно столько кусков, сколько в конюшне лошадей. Говоря с конюхом, маменька взглянула на Соню: у той рот был набит хлебом, и она торопилась проглотить поскорей последний кусочек. Маменька догадалась, отчего не достало одного ломтя. Лошадь, ожидая своей доли, нетерпеливо ржала и стучала копытом.

– Стоило мне отвернуться, – с укоризной промолвила госпожа де Реан, – как ты утащила кусок хлеба и съела, несмотря на мое запрещение. Ступайте, сударыня, в свою комнату, с этих пор вы больше не будете ходить со мной к лошадам. И вместо обеда я пришлю вам супу и побольше хлеба – раз он вам так уж нравится.

Понутив головку, Соня побрела в свою комнату.

– Боже мой, боже мой! – запричитала нянюшка. – О чем, барышня, опять запечалились? Опять наказали? Что опять напроказили?

– Я только кусочек черного хлеба съела, – дрожащим голосом произнесла Соня, – я его так люблю! Корзинка была полнехонька, я думала, маменька не заметит. Мне сегодня дадут только супу да хлеба! – И она разрыдалась.

Нянюшка с жалостью посмотрела на девочку и вздохнула. Она баловала Соню, находя, что барыня наказывает дочку иной раз чересчур строго, а потому всегда старалась утешить малышку и облегчить наказание. И теперь, когда слуга принес на обед для Сони суп, кусочек хлеба и стакан воды, няня приняла от него поднос, с явным неудовольствием поставила на стол, а потом отворила шкаф и достала оттуда большой кусок сыру и баночку варенья.

– Вот, покусайте сырку с хлебом, а потом варенье, – предложила она Соне. И, видя, что Соня мешкает, добавила: – Барыня прислала вам хлеба, но не запрещала мне угостить вас чем-нибудь повкуснее.

– Но маменька спросит меня, не давали ли мне еще чего-нибудь, кроме хлеба, и тогда придется сказать... – с сомнением заговорила Соня.

– Тогда вы скажите, что это я вам дала сыру с вареньем и приказала есть. А я уже сама все объясню барыне, скажу, что не позволила вам есть черствый хлеб, потому что им не насытишься. Даже заключенных кормят не одним хлебом!

Няня делала весьма дурно, советуя Соне есть украдкой, без разрешения матери, но Соня была еще мала, чтобы понимать это. Она любила сыр, а варенье еще пуще, поэтому послушалась няню и пообедала на славу.

— В другой раз, когда вас накажут или вам захочется кушать, вы придите и шепните мне. У меня всегда найдется, чем вас попотчевать, получше этого черного хлеба, которым разве что только собак да лошадей кормить.

Соня сказала, что не забудет этого обещания, особенно если няня угостит ее чем-нибудь вкусным.

СЛИВКИ И ГОРЯЧИЙ ХЛЕБ

Мы уже говорили, что Соня была порядочная ласкомка, она не забыла няниного обещания. Однажды за завтраком она почти ничего не ела: девочка знала, что фермерша должна принести няне много вкусно-стей. А потом сказала няне, что ей хочется есть.

– И чудесно! – обрадовалась няня. – Фермерша принесла мне большой горшок сливок и свежее испеченный черный хлеб. Вот и покушайте, увидите, как это вкусно.

Она положила на стол горячий еще хлеб и поставила горшок чудесных густых сливок. Соня набросилась на них, как голодный волк. Только няня наказала ей, чтобы много не ела, как послышался голос госпожи де Реан:

– Люси, Люси!

Люси (так звали няню) побежала узнать, что требуется барыне. Та приказала ей начать работу для Сони.

– Ей скоро будет четыре года, – заявила госпожа де Реан, – пора приучать ее к работе.

– Что же сможет делать такая маленькая девочка? – недовольно спросила Люси.

– Начните обрубать* платок или салфетку.

* Обрубать – обметывать аккуратными стежками кусочек ткани.

Няня ничего не ответила, но вышла из комнаты явно не в духе.

Войдя в свою комнату, она увидела, что Соня все еще ест: горшок со сливками почти опустел и не хватало огромного куска хлеба.

— Господи Боже мой! Неужто вы все это съели? — воскликнула няня. — Да вы заболаете! Что скажет бабыня, если вы захвораете? Достанется мне за вас!

— Не беспокойтесь, няня, я не заболею. Просто мне очень хотелось есть, — успокоила ее Соня. — Как вкусен теплый хлеб со сливками!

— Вкусно, да на желудок ложится тяжело, — покачала головой няня, начав обрубать для Сони платочек. — Господи! Какой кусище хлеба вы скушали! Ах, как бы вам не захворать!

— Нет, Люси, миленькая, не бойтесь, право же, я здорова, совсем здорова, — обнимая няню, говорила Соня.

Няня подала девочке начатый платочек и отправила к маменьке, чтобы та рассказала, как обрубать.

Соня побежала в залу и подала платок матери. Та показала, как надо вкалывать и выдергивать иголку. Сначала дело шло плохо, но через несколько стежков Соня приноровилась и нашла, что работать — весело.

— Маменька, — попросила она, — позвольте мне показать работу няне.

— Покажи, а потом убери все вещи и приходи играть в мою комнату.

Соня побежала к няне, та похвалила девочку, увидев, что платок почти обрублен, и очень недурно.

И с беспокойством поинтересовалась, не болит ли у Сони животик.

— Нет, няня, совсем не болит! Только вот есть совсем не хочется.

— Еще бы! Вы же досыта накушались. Ступайте поскорее к маменьке, не то она рассердится.

Соня воротилась в гостиную, убрала все свои вещи и начала играть. И тут она почувствовала себя дурно: сливки и горячий хлеб камнем лежали в желудке, голова болела. Девочка села в креслице, закрыла глаза и сидела не шевелясь. Маменька, не слыша ни шороха, обернулась и увидела, что лицо у Сони бледное.

– Что с тобой, Соня? – с беспокойством спросила она. – Ты больна?

– Да, маменька, нездоровится, голова болит.

– Давно ли?

– Как кончила работу.

– Ты что-нибудь ела?

Соня помешкала и тихонько ответила:

– Нет, маменька, ничего не ела.

– Ты лжешь, это видно. Пойду спрошу няню, посмотрим, что скажет она.

Маменька вышла ненадолго, возвратилась сердитая.

– Вы солгали, сударыня! Люси созналась, что дала вам горячего хлеба и сливок, а вы набросились на них, как голодный волк. Тем хуже для вас: вы заболаете и завтра не пойдете обедать к тете и Полю. А там будут и Камила, и Мадлен. Вместо того чтобы бегать по лесу и искать землянику, вы одна-одинешенька будете сидеть дома. И к обеду вам дадут только супу.

Госпожа де Реан дотронулась до Сониной руки – рука была горячей, как огонь. Повели Соню в постель.

– Ничего не давайте ей есть до завтра, – строго наказала госпожа де Реан няне. – Пить можно только воду или отвар померанцевых листьев*. А если сегодня еще раз повторится, я вам откажу от места.

Няня чувствовала себя виноватой и ни слова не ответила. Соня захворала не на шутку и молча легла в постель. Ночь она провела плохо, металась, мучаясь

* Листья померанцевого дерева до сих пор используются для лечения заболеваний желудка.

от боли в голове и в желудке, под утро она заснула. На другой день голова все еще болела, но на воздухе девочке стало полегче. День тянулся скучно, Соня все думала об обеде у тети.

Еще два дня она недомогала.

С тех пор Соня не могла не только есть горячий хлеб и сливки, но и глядеть на них. Случалось ей ездить с двоюродным братом и подругами на соседние фермы – все всласть кушали сливки с черным хлебом, лишь Соня к ним не прикасалась: от одного вида густых пенистых сливок и простого хлеба ей делалось дурно. С этих же пор Соня перестала слушаться няниных советов, да и няня недолго у них оставалась – госпожа де Реан взяла на ее место другую. Новая няня оказалась доброй женщиной, но она не позволяла Соне делать то, что запрещала маменька.

Глава VIII

ЧАЙ

19 июля – Сонино рождение, ей исполнилось четыре года. Всегда в этот день маменька дарила ей что-нибудь хорошее, но никогда вперед не говорила, что именно подарит. Соня поднялась раньше обыкновенного. Она спешила одеться – девочке хотелось поскорей получить подарок.

– Нянюшка, пожалуйста, поскорее, – торопила она, – мне хочется узнать, что мне подарит маменька.

– Позвольте мне причесать вас. Нельзя же идти такой растрепой. Вот, скажут, не видно, что ей четыре года!.. Посидите минутку смирно, барышня, не шевелитесь.

– Ах, няня, вы рвете мне волосы, – хныкала Соня.

– Оттого что вы вертите головкой во все стороны... Опять!.. Не могу же я знать, куда вы повернете голову.

Наконец Соня была одета, причесана, могла бежать к матери...

– Раненько, Соня, – сказала госпожа де Реан с улыбкой. – Вижу, не забыла, что тебе сегодня четыре года и спешишь получить подарок. Вот тебе книга, надеюсь, она тебе понравится.

Соня не очень-то весело поблагодарила маменьку и взяла книгу в красном сафьянном* переплете.

«Что я буду делать с этой книгой? – подумала она. – Читать я не умею, на что она мне?»

Мать, смеясь, смотрела на нее.

– Ты, кажется, недовольна моим подарком, – улыбувшись, сказала она, – но он доставит тебе больше удовольствия, чем ты думаешь.

– Не знаю, маменька, – кисло молвила Соня.

– Открой-ка, и сама увидишь, – предложила госпожа де Реан.

Соня хотела открыть книгу, но, к немалому своему изумлению, не смогла. Еще больше девочку удивило

* Сафьянный – изготовленный из козьей или овечьей кожи и окрашенный в яркий цвет.

то, что, когда она повернула книгу, внутри что-то затахтело. Соня вопросительно взглянула на маменьку. Госпожа де Реан рассмеялась:

– Это особенная книга, и открывается она не просто, не как другие. Чтобы ее открыть, надо надавить на картинку.

Маменька слегка надавила пальцем, верх отскочил, и Соня с радостью увидела, что это вовсе не книга, а хорошенький ящик с красками и кисточками. Кроме того, в ящичке лежала дюжина тетрадок с картинками для раскрашивания.

– Ах, спасибо, спасибо, маменька, милая маменька! – закричала Соня. – Как я рада! Как это мило!

– А ты думала, что это настоящая книга, и была недовольна подарком? – целуя дочь, проговорила госпожа де Реан. – Было бы несправедливо подарить тебе книгу, когда ты читать не умеешь. Можешь порисовать сегодня с Полем, Камиллой и Мадлен, я пригласила их на целый день, они приедут в два часа. Тетя д’Обер просила передать тебе вот этот чайный прибор, она не может приехать раньше трех часов, а хотела, чтобы ты получила подарок с утра.

Соня была счастлива необыкновенно, принимая поднос с шестью чашками, чайником, сахарницей и серебряным сливочником. Она попросила позволения угостить своих гостей настоящим чаем.

– Нет-нет! – решительно запретила маменька. – Вы разольете повсюду сливки, обожжетесь чаем. Просто поиграйте, это будет так же весело.

Соня не сказала ни слова, но осталась недовольна маменькиным отказом. «На что мне чайный прибор, – думала она, – когда я в него ничего не могу ни налить, ни положить. Подруги будут смеяться надо мной! Надобно хоть чего-нибудь налить. Пойду попрошу у няни».

Соня сказала маменьке, что пойдет показать подарки няне, взяла чайный прибор и ящик и побежала в свою комнату.

– Посмотрите, нянюшка, что мне подарили мама и тетя д’Обер, – похвасталась девочка.

– Какой чудесный сервиз! – одобрила няня. – Вы им на славу поиграете. А вот книга мне не очень нравится. Не понимаю, зачем она вам, если вы не умеете читать?

– Попались, нянюшка! – засмеялась Соня. – И я так же попалась. Это не книга, а ящик с красками!

Соня открыла ящик, няня похвалила и его. Поболтав о том, что сегодня будет, Соня сказала, что она хотела было угостить своих друзей чаем, но маменька не позволила.

– Чего бы мне взять вместо чаю, сахару и сливок? Нянюшка, миленькая, помогите моему горю, дайте мне чего-нибудь взамен, чтобы мне было чем угостить подруг.

– Нет, барышня, нельзя, – покачала головой няня. – Вспомните, барыня сказала, что сейчас же откажет мне от места, если только я дам вам что-нибудь съестное.

Соня вздохнула и задумалась. Мало-помалу личико ее прояснилось, ей пришла в голову новая затея. Мы еще увидим, хорошая ли.

Соня играла, потом завтракала. Возвратившись после прогулки с маменькой, она пошла готовиться к встрече гостей. Ящик с красками девочка поставила на маленький столик, на другом столике поставила шесть чашек, в середине поместила сахарницу, чайник и сливочник.

– Теперь надо заварить чаю.

Соня пошла в сад, сорвала несколько листочков клевера и положила их в чайник. Потом взяла блюдечко, из которого поили маменькину собачку, и вылила из него воду в чайник.

– Ну, чай готов, – удовлетворенно сказала она, – теперь надо добыть сливок.

Девочка взяла кусок мела, которым чистили серебряную посуду, поскоблила его своим ножичком, положила в сливочник, сверху налила воды из того же блюдечка, помешала ложечкой и, когда вода побелела, поставила сливочник на стол.

Недоставало только сахару. Соня обошлась тем же мелом: наколола маленьких кусочков, сложила их в сахарницу и поставила ее на стол. С величайшим восторгом оглядев стол, именинница потеряла ручки:

– Вот так чай будет, на славу! Какая я догадливая! Держу пари, что ни Поль, ни подружки не додумались бы до этого...

До приезда гостей оставалось еще полчаса, но Соня не скучала, она была так довольна своей выдумкой, что не отходила от стола. Она все ходила вокруг и весело приговаривала:

– Вот так выдумка! Какая же я умница!

Наконец приехали Поль и подружки. Соня побежала им навстречу, перецеловала всех и поскорее повела в малую гостиную, чтобы похвалиться подарками. Они обманулись насчет ящика с красками, как обманулись Соня и няня. Чайный прибор тоже всем понравился.

– Садитесь за стол... Вот так, отлично! – Соня предвкушала восторг друзей. – Позвольте мне ваши чашки, я положу сахару... Теперь чаю и сливок... Кушайте, пожалуйста.

– Странно! Сахар не тает, – удивилась Мадлен.

– Помешай хорошенько, он растает, – посоветовала Соня.

– Что-то чай холодный, – подозрительно сказал Поль.

– Очень давно заварен – оттого, – разъяснила Соня.

Тут Камила хлебнула чаю и с отвращением оттолкнула чашку:

– Какая гадость! Это не чай!

– Фу, да он пахнет мелом! – скривилась и Мадлен.

Поль отплевывался от мела:

– Чем ты нас угостила, Соня? Это гадко, отвратительно!

– Вы находите... – смутилась хозяйшка.

– Какая злая шутка! Ты думала, мы станем пить этот противный чай? – возмущенно закричал Поль.

– Вы слишком разборчивы! – Соня, разозлившись, отобрала у него чашку. – На вас не угодишь!

– Согласись, Соня, не надо быть разборчивым, чтобы сказать, что этот чай отвратительный, – улыбнулась Камила.

– Я ничего омерзительнее в рот не брала! – сказала Мадлен.

Поль сердито сунул чайник Соне и потребовал:

– Выпей сама! Увидишь, насколько мы разборчивы!

Соня стала от него отбиваться:

– Оставь меня, ты мне надоел!

Но Поль не уступал, надвигаясь на Соню все ближе и ближе:

– А, так мы слишком разборчивы! А чай, по-твоему, вкусен! Выпей же его, и сливки тоже.

Наконец Поль поймал Соню и вылил чай ей в рот. То же он хотел сделать и с поддельными сливками, не обращая внимания на гневные вопли сестры. Камиле и Мадлен стало жаль подружку, и они бросились отнимать у Поля сливочник, но мальчик раззадорился и оттолкнул их. Соня воспользовалась заминкой и набросилась на Поля с кулаками. Тут Камиле и Мадлен пришлось удерживать Соню.

Поль взвыл, Соня закричала, Камила и Мадлен позвали на помощь – шум поднялся ужасный, так что в испуге прибежали матери. Увидев их, дети замерли на месте.

– Что тут такое? – с беспокойством строго спросила госпожа де Реан.

Никто не проронил ни слова.

– Камила, Мадлен, из-за чего началось сражение? – обратилась госпожа де Флервиль к своим дочерям.

– Мама, я и Мадлен – мы не дрались, – робко отвечала Камила.

– Как не дрались? – переспросила госпожа де Флервиль. – Ты держала Соню за руку, а Мадлен Поля за ногу.

– Мы... мы хотели помешать им... они сильно разыгрались... – попыталась объяснить Мадлен.

– Разыгрались! – усмехнулась госпожа де Флервиль. – Это, по-твоему, игра?

– Я вижу, Соня и Поль по обыкновению повздори-
ли. Камила и Мадлен хотели удержать их. Все так
и было, я отгадала, Камилочка? – вмешалась госпожа
де Реан.

– Да... – тихонько пискнула Камила, покраснев
до корней волос.

Госпожа д’Обер тем временем пристально смотрела
на сына:

– Не стыдно тебе, Поль, так буянить? Ты сердишься
из-за пустяков и готов драться...

– Вовсе не из-за пустяков, мама! Соня хотела напо-
ить нас чаем, таким противным, что нас стало тош-
нить, как попробовали. А когда мы стали выговари-
вать ей, она сказала, что мы чересчур разборчивы.

Госпожа де Реан взяла сливочник, понюхала, попробовала немного на язык и тут же брезгливо поморщилась:

– Соня! Откуда ты взяла таких ужасных сливок?

Соня виновато опустила голову:

– Я сама сделала, маменька.

– Сама! Из чего же это?.. Скажи.

Соня совсем застыдилась и еле слышно прошептала:

– Из мела и собачкиной воды.

– А чай откуда взялся?

Соня, еще ниже понунив голову, вздохнула и пробормотала:

– Я нарвала травки и облила собачкиной водой.

– Отличное угощение! Грязная вода и мел! Подходящее для дня рождения! – возмутилась госпожа де Реан, рассматривая содержимое сахарницы. – Во-первых, не послушалась, когда я запретила тебе делать чай, потом хотела напоить подруг бог знает чем и в заключение подралась с Полем. Простись с чайным прибором на время! Следовало бы тебя и к столу не допускать, но боюсь обидеть твоих подруг. Зачем же им страдать из-за тебя?

Матери вышли и невольно расхохотались, вспоминая угощение, придуманное Соней. Дети остались одни. Полю и Соне было стыдно за недавнюю драку, и они не смели взглянуть друг на друга. Камила и Мадлен поцеловали их, утешили и помирили. Соня поцеловала Поля, попросила у всех прощения, и все было забыто.

Глава IX

Волки

Соня была непослушной девочкой, мы уже достаточно рассказали об этом. Мама пыталась исправить ее, но не успевала, и вот на Сонину голову обрушились новые несчастья.

На другой день после дня рождения мать позвала Соню и сказала:

– Я обещала, что, когда тебе исполнится четыре года, я стану брать тебя с собой гулять по вечерам. Я собираюсь через лес на ферму. Ты пойдешь со мной, только помни: не отставай! Ты знаешь, я хожу быстро, если ты отстанешь, я могу и не заметить.

Соня в восторге от предстоящей прогулки пообещала не отходить от матери ни на шаг. В это время приехал Поль и, к радости Сони, тоже попросился гулять.

Некоторое время дети старательно шли за госпожой де Реан и любовались на прыжки четырех больших собак, которых маменька всегда брала с собой.

В лесу дети стали рвать цветы – прямо на ходу, не останавливаясь. Неподалеку от дороги Соня заметила множество спелой земляники.

– Какая славная земляника! – закричала она. – Как жаль, что нельзя покушать.

Госпожа де Реан слышала это восклицание и, обернувшись к детям, еще раз запретила им останавливаться. Соня вздохнула и печально посмотрела на ягодки, которые так манили ее.

– Не смотри лучше, – посоветовал Поль, – и позабудешь о них.

– Какие красненькие, спеленькие, хорошенькие! Должно быть, превкусненькие! – жалобно канючила Соня.

– Чем больше станешь глядеть на них, тем больше они будут тебя манить, – благоразумно заметил Поль. – Тетя запретила рвать. Для чего же глядеть на них?

– Я сорву одну только, это надолго нас не задержит. Останься со мной, и покушаем вместе, – запросила девочка.

Но Поль отказался:

– Нет, я не хочу послушаться тетю, еще заплутаем в лесу.

– Вот уж этого не стоит бояться! – Соня легкомысленно махнула ручкой. – Маменька сказала только, чтобы попугать нас, мы догоним ее, если отстанем.

– Вряд ли, лес густой, обознаться дорожкой нетрудно, – убеждал ее братец.

– Ну, делай как хочешь, трусишка, а я, как попадетсЯ еще земляника, остановлюсь и нарву, – упрямо заявила Соня.

Поль обиделся:

– Я вовсе не трусишка, а ты лакомка и непослушная девочка. Заблудись в лесу, если тебе хочется, а я буду делать, как тетя велела.

И Поль поспешил за госпожой де Реан, которая шла быстро и не оглядывалась. Собаки бежали то впереди хозяйки, то позади, то рядом.

Соня скоро увидела новые кустики земляники. Девочка съела ягодку, потом другую, третью, а затем и вовсе присела, чтобы было удобнее и скорее рвать. Время от времени она посматривала, далеко ли ушли маменька и Поль.

Собаки стали беспокойны: они то бросались в чащу, то снова выбегали на тропинку, и наконец стали жаться около госпожи де Реан. Та поглядела, чего они испугались, и увидела из-за листвы два блестящих свирепых глаза. Где-то рядом хрустнула ветка, зашелестели сухие листья. Женщина оглянулась, чтобы приказать детям идти вперед, и тут с испугом заметила, что подле нее один Поль.

– Где Соня? – воскликнула она.

– Она отстала, чтобы покушать земляники, – ответил мальчик.

– О Боже, за нами идут волки! Скорее к ней, может быть, еще успеем спасти ее!

Госпожа де Реан побежала к тому месту, где осталась Соня, испуганный Поль и собаки кинулись за ней. Скоро они увидели, что девочка присела на траву и преспокойно щиплет ягоды.

Вдруг две собаки жалобно заскулили и бросились к Соне со всех ног. И тут же огромный волк с горящими глазами и разинутой пастью осторожно высунул

морду из-за дерева. Увидев собак, он чуть помедлил, но потом бросился на девочку.

Собаки, возбуждаемые отчаянными криками госпожи де Реан и Поля, помчались вдвое быстрее и напали на волка, когда он уцепился зубами за Сонину юбку. Волк оставил Соню и принялся отбиваться от собак. Им туго пришлось, потому что подбежали еще два волка, те самые, что следили за госпожой де Реан. Но псы дрались отважно, и волки скоро пустились бежать.

Израненные и окровавленные, собаки подбежали к своей госпоже и стали лизать руки ей и детям. Госпожа де Реан приласкала собак и пошла дальше, держа детей за руки и окруженная храбрыми телохранителями.

Мать ни слова не сказала Соне: та насилу переступала – ноги у нее тряслись от недавнего испуга. Бедняжка Поль побледнел и дрожал не меньше Сони. Они вышли из лесу и подошли к ручейку.

– Остановимся тут, – сказала госпожа де Реан, – напьемся свежей воды. Нам надо оправиться от испуга.

Она наклонилась к ручейку, зачерпнула ладонью воды, попила и обрызгала себе лицо и руки. Дети сделали то же самое. Они освежились, дрожь успокоилась.

Собаки также бросились к ручью, они лакали воду, смачивали ею раны, возились в ручье и, наконец, выбрались оттуда свежие и чистые.

Через четверть часа госпожа де Реан двинулась дальше. Дети не отставали ни на шаг.

– Соня, – серьезно спросила маменька, – как ты думаешь, была ли у меня причина, чтобы запрещать тебе останавливаться?

– Да, маменька, простите, что ослушалась вас, и ты, Поль, прости меня, мне стыдно, что я назвала тебя трусишкой.

– Трусишка! Это Поль-то трусишка? – с негодованием воскликнула госпожа де Реан. – А знаешь ли ты, что когда мы кинулись к тебе, он бежал впереди? Когда волки бросились на помощь своему товарищу, Поль схватил палку и хотел заступить им дорогу, и я должна была удерживать его за руки. Заметила ли ты, что, пока собаки грызлись с волками, он все время стоял впереди тебя, чтобы не допустить до тебя волков? И ты еще осмеливаешься называть Поля трусишкой?!

Соня бросилась на шею двоюродному брату и расцеловала его:

– Спасибо, Поль, милый, добрый Поль, спасибо тебе, я буду любить тебя всем сердцем!

Когда все трое вернулись домой, их спросили, отчего они так бледны и отчего у Сони порвано платье. Госпожа де Реан рассказала, что случилось. Все хвалили Поля за послушание и храбрость, осуждали Соню за непослушание и пристрастие к лакомствам и восхищались смелостью собак. Последних на радостях даже угостили жирными костями и говяжьими остатками.

Соню не наказали за ослушание. Маменька считала, что она уже достаточно наказана страхом и вперед будет слушаться.

ССАДИНЫ НА ЩЕКЕ

Соня была вспыльчива, мы об этом еще не говорили.

Однажды она разрисовывала картинки, а Поль вырезал из бумаги полоски, чтобы потом наделать из них корзиночек, столиков, скамеек. Дети сидели у маленького столика друг против друга. Поль болтал ногами, и столик качался.

– Перестань, – нетерпеливо сказала Соня, – ты трясешь стол, рисовать нельзя.

Поль посидел немного спокойно, потом забылся и снова стал трясти столик.

– Какой ты несносный, Поль! – закричала Соня. – Говорят тебе, ты мешаешь мне рисовать!

– Было бы из-за чего переживать, все равно рисуешь ты неважно.

– Знаю, что тебе трудно беспокоиться для других, но ты мне мешаешь, и прошу тебя, сиди смирно.

– Мои ноги не умеют вести себя смирно – они сами шевелятся, – засмеялся Поль.

– Я свяжу веревкой твои докучные* ноги! – вспылила Соня. – А если ты не перестанешь трясти стол, то и вовсе прогоню тебя!

– Попробуй, увидишь тогда, что мои ноги умеют делать, – пообещал Поль.

* Докучные – здесь: надоедливые.

– И что же? Ты пихнешь меня ногой? – спросила Соня.

– Да, если ты станешь драться кулаками.

Соня вспыхнула и плеснула в Поля водой из стаканчика. Мальчик рассердился в свою очередь, толкнул стол, и все полетело наземь. Девочка бросилась на брата и до крови расцарапала ему лицо ногтями.

Поль принялся кричать, Соня, не помня себя, колотила его кулаками. Полю не хотелось бить девочку – он убежал от нее в другую комнату и заперся там. Соня давай стучать в двери, но Поль ей не отворил. Девочка понемногу успокоилась. Когда вспышка про-

шла, она стала раскаиваться в том, что наделала, вспомнила, что Поль подвергал свою жизнь опасности, чтобы защитить ее от волков.

«Бедняжка Поль, – думала она, – как я зло отблагодарила его! Что сделать, чтобы он перестал сердиться? Я не стану просить прощения. У, какая скука пойти и говорить: “Простите!” ..Однако, – рассуждала она дальше, – быть злой тоже нехорошо. И как же Поль простит меня, если я не попрошу прощения?»

Подумав еще немного, Соня постучала в дверь комнаты, где заперся брат, но на этот раз тихонько, и ласково позвала:

– Поль, Поль!

Но Поль не отвечал.

– Поль, – прибавила она еще нежнее, – милый Поль, прости, что рассердила тебя, что была злючкой. Поль, уверяю тебя, я больше не буду!

Дверь легонько отворилась и показалась голова Поля. Он недоверчиво поглядел на Соню.

– Ты не сердись? Правда? – спросил он.

– Нет-нет, голубчик, право, не сержусь, – ответила Соня, – я сожалею, что так себя вела.

Поль отворил двери настежь, и Соня увидела, что у него все лицо в ссадинах. Она вскрикнула и бросилась обнимать Поля.

– Бедняжечка Поль, что я наделала! Как я тебя исцарапала! Чем тебя вылечить?

– Ничего, и так пройдет, – отвечал Поль. – Надо только умыться. Как кровь обмоется, ничего не будет заметно.

Соня побежала вместе с Полем искать кувшин с водой, но сколько он ни мылся, сколько ни тер лицо, царапины оставались на месте. Соня была в отчаянии.

– Что скажет маменька? – ужаснулась она. – Она рассердится и накажет меня.

Поль также приходил от этого в отчаяние, он не знал, как избавить Соню от выговора.

– Жаль, нельзя сказать, что я упал в терновник*, потому что это неправда... Постой... если... Ты сейчас увидишь!

И Поль побежал к рощице у дома, Соня за ним. Поль остановился у куста остролиста**, бросился в него и стал кататься. Колючие листья поцарапали и порезали ему лицо. Он встал, ссадин стало больше прежнего.

Увидев его лицо в крови, Соня просто зарыдала.

– Это из-за меня ты мучаешь себя, Поль! Ты исцарапался еще больше, только чтобы меня не наказали. Ах, Поль, милый мой, как ты добр! Как я люблю тебя!

– Пойдем поскорее домой, надо вымыть лицо, – сказал Поль. – Не печалься, Сонюшка, мне совсем не больно, завтра все пройдет. Только, пожалуйста, не рассказывай, что ты меня поцарапала. Если ты скажешь, ты огорчишь меня, и получится, что я напрасно второй раз расцарапал себе лицо. Обещаешь молчать?

* Терно́вник – низкий колючий кустарник с терпкими на вкус плодами.

** Остроли́ст – небольшое вечнозеленое растение с колючими листьями и красными ягодами.

– Да, – отвечала Соня, целуя его, – я сделаю все, что ты только захочешь.

Дети отправились в комнату, и Поль обмыл лицо.

Когда они вышли в гостиную, обе маменьки вскрикнули, увидев исцарапанное и опухшее лицо Поля.

– Где это ты постарался? – ахнула госпожа д’Обер. – Можно подумать, что ты валялся в терновнике.

– Так, маменька, и было, – отвечал Поль. – Я с разбегу упал в куст остролиста и, когда старался подняться, исцарапал себе лицо и руки.

Госпожа д’Обер неодобрительно покачала головой:

– И зачем было спешить? Надо было вставать потихоньку.

– А ты где была, Соня? – поинтересовалась госпожа де Реан. – Ты должна была бы помочь брату подняться.

– Она бежала за мной, тетя, но не успела помочь: когда она подбежала, я уже вскочил, – вступился за девочку Поль.

Госпожа д’Обер увела Поля, чтобы смазать ему ссадины мазью.

Соня осталась в гостиной, маменька внимательно смотрела на нее:

– Что ты такая грустная, Соня?

– Я не грустная, маменька, – покраснев, отвечала девочка.

– Нет, ты грустна, словно тебя что-то мучит, ты неспокойна.

– Право, маменька, нет, – сказала Соня, но в глазах ее заблестели слезы.

– Полно, ты говоришь, а сама чуть не плачешь.

Тут уж Соня не выдержала и громко разрыдалась:

– Я не могу... вам сказать... Я обещала... Полю...

– Послушай, Соня, – промолвила госпожа де Реан, притянув дочь к себе, – если Поль сделал что-нибудь дурное, тебе незачем держать обещания не говорить мне. Даю тебе слово: я не стану выговаривать Полю и не скажу его маме. Мне только хочется знать, отчего ты так грустна, о чем так горько плачешь. Ты должна сказать мне!

Соня спрятала головку в коленях госпожи де Реан и так зарыдала, что ни слова не могла сказать.

Госпожа де Реан ее все успокаивала, утешала, и наконец Соня призналась:

– Поль не сделал ничего худого, маменька, напротив, он добрый, а я... я злючка, он для того и в куст упал, чтобы меня избавить от выговора.

Госпожа де Реан, удивляясь больше и больше, стала расспрашивать Соню, и та рассказала матери все, что было между ней и Полем.

– Какой славный мальчик! – восхитилась госпожа де Реан. – Какое доброе сердце! Какая храбрость и какая доброта! А ты, Соня... Какая разница между тобой и Полем! Ты вспыльчива, неблагодарна, а он тебя всегда прощает, забывает все обиды и еще сегодня так великодушно поступил относительно тебя!

– Да, маменька, да, я чувствую это, впредь никогда не рассержусь на Поля.

– Мне незачем наказывать тебя или делать выговор: ты сама чувствуешь, что виновата перед Полем. Это и есть твое наказание, и оно полезнее всех, какие я могла бы придумать. И потом ты созналась во всем, за одну эту откровенность стоит простить тебя.

Глава XI

ЛИЗА

Однажды Соня сидела в маленьком кресле. Она ничего не делала и задумалась.

– О чем ты задумалась? – спросила ее госпожа де Реан.

– Я думаю, маменька, о Лизе Шено, – ответила Соня.

– По какому это случаю ты вспомнила про нее?

– Я вчера заметила у нее на руке большую царапину, и когда спросила, что с ней случилось, она покраснела, спрятала руку и потихоньку сказала: «Молчи! Это я себе в наказание». Я не могу понять, что это значит.

– Если хочешь, я объясню тебе, – сказала госпожа де Реан, – я сама заметила эту царапину, и мама Лизы все мне рассказала. Послушай, это очень поучительно.

Соня, весьма довольная тем, что придется выслушать историю, подвинула свое креслице поближе.

И госпожа де Реан начала рассказ:

– Ты знаешь, Лиза очень добрая девочка, но, к несчастью, слишком вспыльчива. – Тут Соня потупила глаза. – Ей случается в сердцах ударить няню. Потом она искренне раскаивается, но надо бы думать об этом раньше. Третьего дня Лиза гладила куклино белье и платье, няня сама ставила утюги в камин, чтобы девочка не обожглась. Лизе не нравилось, что ей не позволяют самой греть утюги, но няня останавливала ее всякий раз, как девочка пробиралась к огню. Наконец Лизе удалось подойти к камину, и она хотела уже поставить утюг, как няня сказала: «За то, что вы меня не слушаетесь, Лизонька, вы больше гладить не будете, я запрю утюги в шкаф». – «Я хочу гладить, – закричала Лиза, – отдайте мне утюги!» – «Нет, барышня, не отдам!» – «Злая Мари, отдайте мне утюги!» – рассердилась Лиза. – «Нет, не получите, вот они уже заперты», – прибавила Мари, вынимая ключ из шкафа.

Лиза в сердцах хотела вырвать ключ у няни из рук, но этого ей не удалось. Тогда в запале она изо всей

силы уцепилась за руку Мари и расцарапала ее в кровь. Увидела Лиза кровь – и давай плакать, просить у няни прощения, целовать ей руку, обмывать. Мари – предобрая женщина, – видя, что барышня так горюет, стала уверять, что ей совсем не больно. «Нет, нет, – плакала Лиза, – надо, чтобы мне было так же больно, как вам. Оцарапайте мне руку, как я вам, пусть и мне будет больно». Конечно, няня этого не сделала. Лиза ничего не сказала, но весь день была необыкновенно тиха и рано легла спать. Наутро няня пришла ее будить и увидела кровавые пятна на одеяле. Посмотрела на Лизину руку – на ней страшная царапина.

«Кто это вас, голубушка, так поранил?!» – воскликнула Мари. «Это я сама, няня, – ответила Лиза, – чтобы наказать себя за вчерашнее. Когда я ложилась спать, то подумала, что мне надо помучиться, как я мучила вас, и я расцарапала руку до крови».

Няня нежно поцеловала Лизу, которая обещала вперед быть умницей.

Понимаешь теперь, почему тебе так ответила Лиза и отчего она покраснела?

– Да, маменька, понимаю, – кивнула Соня. – Это Лиза хорошо сделала. Я думаю, что она больше сердиться не будет, она теперь знает, как это дурно.

– А ты не делаешь того, про что знаешь, что худо? – улыбнулась госпожа де Реан.

Соня смутилась:

– Но, маменька, я меньше Лизы: ей пять лет, а мне всего четыре.

Мать обняла Соню и ласково сказала ей:

– Разница невелика, помни: недели нет, как ты разозлилась на Поля, а он всегда так мил и ласков с тобой.

– Правда, маменька, но в другой раз я этого не сделаю, и ничего не сделаю, про что знаю, что это дурно.

– Дай Бог, Соня. Только смотри, не думай о себе лучше, чем ты на самом деле. Это называется гордостью – большой порок.

Соня ничего не ответила, но самодовольно улыбнулась, словно хотела сказать, что она-то уж наверняка всегда будет умницей.

Скоро Соне пришлось испытать унижение за гордость. Вот что случилось через два дня.

Глава XII

ОБСАХАРЕННЫЕ ФРУКТЫ

Соня возвращалась с прогулки с Полем. В прихожей ждал человек, по-видимому, кондуктор дилижанса*; он держал в руках сверток.

– Кого вы ждете? – вежливо спросил его Поль.

– Госпожу де Реан. Мне надо передать ей посылку.

– От кого это? – спросила любопытная Соня.

– Не могу знать, я езжу с дилижансом; посылка из Парижа, – поклонившись, сказал кондуктор.

* Д и л и ж а н с – многоместная карета, перевозившая пассажиров и почту.

Соня подошла поближе:

– С чем же эта посылка?

– Кажется, фрукты, варенные в сахаре, и мармелад из абрикосов. По крайней мере, так означено в нашей книге, – отвечал кондуктор.

У Сони глазки разгорелись, она даже облизнулась.

– Пойдем, скажем маменьке, – сказала она Полю и пустилась бежать.

Через несколько минут вышла госпожа де Реан, заплатила за доставку посылки и понесла ее в гостиную, Соня и Поль пошли туда же. Они очень удивились, увидев, что госпожа де Реан положила посылку на стол, а сама продолжила свои прерванные занятия.

Соня и Поль печально смотрели на нее.

– Попроси, чтобы маменька распечатала, – тихонько сказала Соня брату.

– Нельзя, тетя не любит, когда любопытничают и не хотят подождать, – одними губами отвечал Поль.

– Скажи, что мы хотим избавить ее от труда самой распечатывать посылку, – зашептала Соня.

Госпожа де Реан обернулась к дочери и строго сказала:

– Я слышу все, что ты говоришь, Соня, лгать нехорошо! Ты хочешь казаться услужливой, будто бы хочешь избавить меня от труда, а на самом деле хочешь побыстрее добраться до лакомств. Если бы ты мне сказала откровенно: «Маменька, мне хочется посмотреть на фрукты, позвольте мне открыть посылку», я позволила бы тебе. Теперь же не смей до нее дотрагиваться.

Соня, смущенная и недовольная, ушла с Полем в свою комнату.

– Вот что значит хитрить, – сказал Поль. – Ты всегда так делаешь, хоть знаешь, что тетя не любит неправды.

– Отчего ты не попросил, как только я сказала тебе? Ты хочешь прослыть умником, а делаешь одни глупости! – огрызнулась Соня.

– Ни глупостей я не делаю, ни умником прослыть не желаю. Ты рассердилась оттого, что тебе не удалось попробовать фруктов, вот и выдумываешь про меня.

– Ничуть не бывало, я сержусь только на тебя, мне всегда из-за тебя достается.

Поль помолчал немного и спросил:

– Даже в тот день, когда ты расцарапала мне щеку?

Соне стало стыдно, она покраснела и замолчала. Несколько минут они просидели молча, Соня хотела было попросить у Поля прощения, но самолюбие не позволяло ей заговорить первой. И Полю этого не хотелось, но он придумал, как начать разговор. Он качался в кресле и так сильно откинулся назад, что кресло упало. Соня подбежала, чтобы помочь ему встать:

– Ты ушибся, Поль?

– Нет, напротив.

– Как напротив? – засмеялась Соня. – Какой ты смешной!

– Я рад, что упал. Упал – и ссоре конец.

– Поль, какой ты добрый! – Соня бросилась к брату и расцеловала его. – Так ты нарочно упал? Но ты мог ушибиться.

– Нет, ушибиться нельзя, креслице низенькое. Ну, теперь мы помирились, идем играть.

Они побежали. Пробегая через гостиную, они заметили, что посылка все еще не открыта. Соня чуть перед ней не остановилась, но Поль дернул сестру за руку.

После обеда госпожа де Реан позвала детей.

– Ну, теперь можно открыть заветную посылку, – сказала она, – и попробовать фруктов. Поль, принеси нож, чтобы обрезать веревку.

Поль пустился, как стрела, и мигом вернулся с ножом, который и подал тете.

Госпожа де Реан разрезала веревку, сняла бумагу, в которую были завернуты лакомства. Там оказалось

двенадцать коробочек с обсахаренными фруктами и мармеладом из абрикосов.

– Попробуем, вкусно ли, – сказала она, открыв одну коробочку. – Соня, возьми две штучки, выбери, какие тебе больше нравятся. Вот груши, вот сливы, грецкие орехи, абрикосы, лимонная корка, дягиль*.

Соня помедлила. Она высматривала, что побольше, наконец решила взять грушу и абрикос. Поль взял сливу и ягодку дягиля. Маменька закрыла коробку, отнесла в свою комнату и поставила на верхнюю полку этажерки. Соня проводила ее до дверей.

* Дягиль – ягода женьшеня.

Вернувшись, госпожа де Реан объявила Соне и Полю, что она не может взять их с собой сегодня гулять, ей нужно съездить по соседству в гости.

– Играйте, дети, до моего возвращения, ступайте гулять или оставайтесь дома, как хотите.

И, поцеловав их, она села в карету с мужем и матерью Поля.

Дети остались одни и долго играли перед домом. Соня часто заговаривала про лакомства.

– Какая досада, что я не попробовала ни дягиля, ни слив. Должно быть, вкусно!

– Да, очень вкусно, – подтвердил Поль, – завтра можешь попробовать, а теперь не думай о них, станем играть.

Они принялись за игру, придуманную Полем: вырыли небольшой водоем и наполнили его, но вода не держалась – дети не успевали подливать воду, как земля ее всасывала. Кончилось тем, что Поль поскользнулся на мокрой земле и вылил себе на ноги целую лейку воды.

– Ай-яй-яй! Как холодно! – воскликнул он. – Промок насквозь, надо переменить и башмаки, и чулки, и панталоны. Подожди, я ворочусь через четверть часа.

Соня осталась у ямки и пошлепывала лопаточкой по воде, а сама думала о варенных в сахаре плодах, о дягиле, о сливах. Она грустила, что даже не отведала их. «Завтра, – думала она, – маменька даст, но времени не будет выбрать. Если их наперед разглядеть хорошенько, заметить, какие взять завтра... А отчего бы их не разглядеть? Стоит открыть ящик...»

И Соня побежала в маменькину комнату. Но как достать коробочку? Девочка прыгала, протягивала руки, но фрукты лежали слишком высоко. Вдруг она ударила себя по лбу и сказала:

— Как я глупа! Стоит подвинуть кресло и влезть на него.

Соня насилу дотащила тяжелое кресло до этажерки, влезла на него. Вот она, коробочка, у нее в руках! Соня открыла ее, глянула на фрукты, глазки у нее разбежались. «Что ж я завтра возьму? О, решиться так трудно: эту или лучше эту? А время не терпит, Поль скоро вернется. Что он скажет, увидев меня здесь? Он решит, что я воровка, а я пришла только посмотреть... А, придумала: я откушу от всякой штучки по маленькому кусочку, узнаю, какой вкус у каждой.

Никто не заметит, я чуть-чуть откушу, только приложу зубами».

И Соня куснула дягилевой ягоды, потом абрикоса, потом сливы, грецкого ореха, груши, лимонной корки, но решить, что вкуснее, не могла. «Надо приложиться еще», – решила она.

И она прикладывалась до тех пор, пока не заметила, что коробочка почти опустела.

«Боже мой, Боже мой, что я наделала? – ужаснулась девочка. – Я хотела только отведать и почти все съела! Маменька, как откроет коробку, тотчас догадается, что это моих рук дело. Что делать?.. Конечно, можно сказать, что это не я, но маменька не поверит... Разве сказать, что это мышка? Я видела, как сегодня по коридору пробежала мышка. Я так и скажу маменьке. Нет, лучше сказать на крысу, крыса больше мышки и ест больше, а я почти все съела, лучше сказать на крысу, чем на мышку».

Соня в восторге от того, что так умно придумала, закрыла коробочку, поставила ее на место и соскочила с кресла. Она поскорей побежала в сад и только успела взять лопаточку в руки, как воротился Поль.

– Я долго ходил, правда? Никак не мог найти башмаков, их взяли чистить, а я, вместо того чтобы спросить у Батиста, сам стал их всюду искать. Что ты делала без меня?

– Ничего, ждала тебя, играла с водой.

– Водоем-то пустой, вся вода ушла. Дай мне лопаточку, я уколочу немного дно, чтобы крепче было, а ты покуда принеси ведро воды.

Пока Поль занялся водоемом, Соня пошла за водой. Когда она воротилась, Поль, отдавая ей лопаточку, сказал:

– Твоя лопаточка вся перепачкана, липнет к рукам. Отчего бы это? Чем ты ее выпачкала?

– Ничем, право, ничем. Не знаю, отчего она липнет.

И Соня поскорей окунула руки в лейку с водой, чтобы не было заметно, что они выпачканы в сахаре.

– Что ты делаешь? – с недоумением спросил Поль.

– Я хотела узнать, холодна ли вода, – смутилась девочка.

– Какая ты смешная стала, пока меня не было! – засмеялся Поль. – Ты точно что-то напроказила!

Соня совсем стушеввалась и покраснела:

– Что я делала? Да ничего особенного. Не знаю, с чего тебе в голову пришло, что я напроказила, ты всегда что-нибудь такое выдумашь.

– Чего ты сердишься? – удивился Поль. – Я просто пошутил. Уверяю тебя, я вовсе не думая сказал, и сердиться тебе не из-за чего.

Соня пожала плечами, взяла лейку и вылила воду в ямку, песок опять втянул воду. Так они играли до восьми часов, пока за ними не пришла няня – время было спать.

Соне спалось беспокойно. А наутро, войдя к матери, она заметила, что лицо у той сердитое.

Соня вертелась на кресле, краснела, поглядывала на маменьку. Госпожа де Реан, видя ее волнение, сказала:

– Ты хочешь в чем-то сознаться, Соня, только не смейся: сознаваться придется в дурном. Не бойся, Соня, сознаешься – и на сердце у тебя станет легче.

Соня пуще покраснела, закрыла лицо руками и прерывающимся голосом призналась маменьке, как она вчера съела почти всю коробочку фруктов.

– Как же ты думала скрыть это? – спросила госпожа де Реан.

– Я хотела сказать, что крысы поели, – со вздохом ответила Соня.

– Глупенькая! Как же ты не подумала, что крысы не сумеют открыть коробочку? Крысы сначала прогрызли бы ее. А потом, зачем крысе приставлять кресло, чтобы влезть на этажерку?

– Как! – изумилась Соня. – Разве вы видели, как я подвигала кресло?

– Ты позабыла поставить его на место, это мне бросилось в глаза, как только я вошла в комнату. Я догадалась, что это ты, особенно, когда увидела, что коробочка почти пуста. Видишь, как ты хорошо сделала, что созналась: ложью ты только увеличила бы вину, и пришлось бы наказать построже. Но поскольку ты сама решилась сознаться, ты всего лишь не будешь есть фруктов в сахаре, пока эти не выйдут.

Соня поцеловала маменьке руку и тотчас пошла к себе в комнату, где Поль ждал ее к завтраку.

– Что с тобой, Соня? У тебя красные глаза.

– Я плакала.

– Отчего? От маменьки досталось? – с сочувствием спросил он.

– Нет, мне было стыдно сознаться в том, что я наделала вчера.

– Что же ты наделала? Я ничего не видел.

– Я скрывала это от тебя.

И она рассказала, как съела почти все фрукты, думая только поглядеть и выбрать, какие взять завтра.

– Как у тебя смелости хватило? – восхитился Поль.

И похвалил Соню за то, что она во всем призналась маменьке.

Глава XIII

РАБОЧИЙ ЯЩИК

Когда Соне сильно нравилась какая-нибудь вещь, она начинала просить ее. Если маменька отказывала ей, девочка все равно продолжала кланяться. Часто, стараясь получить желаемое, она подводила себя под наказание, но это не унимало ее.

Однажды маменька позвала Соню и показала хорошенький рабочий ящик, присланный отцом из Парижа. Ящик был красивый, с золотой отделкой, внутри обитый голубым бархатом. В нем было все, что требуется для женских работ, и все вещи золотые. Тут были наперсток, ножницы, игольник, шильце, катушки, два ножичка, простой и перочинный, маленькие щипчики. В другом отделении помещались коробочка

с иголками, коробочка с позолоченными булавками, шелковые нитки всех цветов, тесемки, ленточки. Соня разахалась, увидев ящик.

– Ах, какой миленький ящик! – восхищалась она. – И как удобно: все, что нужно для работы, под руками. Кому этот ящик? – с хитрой улыбкой спросила девочка, словно была уверена, что маменька ответит: «Тебе».

– Это мне прислал папа, – ответила госпожа де Реан.

– Как жаль! Мне бы хотелось иметь такой.

– Вот прекрасно! – воскликнула госпожа де Реан. – Тебе жаль, что у меня есть такой хорошенький ящик. Ты только о себе и думаешь!

– Маменька, подарите мне его, пожалуйста!

Но госпожа де Реан отказала:

– Ты еще плохо рукодельничаешь, не по твоей работе такой хорошенький ящик. А потом, у тебя не бывает порядка. Ты ничего не будешь класть на место и растеряешь все вещи.

– Нет, маменька, нет! Уверяю вас, я буду беречь.

– Нет, Соня, нечего тебе и думать об этом ящичке, ты еще слишком мала.

– Ах, маменька, я уже начинаю изрядно рукодельничать.

– В самом деле? Отчего же ты всегда недовольна, когда я тебя заставляю работать?

– Оттого... оттого, маменька, что у меня нет рабочего ящика. Если бы у меня был такой, как этот, я бы с радостью, маменька, работала, с охотой, – упрашивала Соня.

– Приучись сперва работать без ящика, станешь работать охотно, я тебе подарю такой же точно.

– Мамочка, милая, подарите этот!

– Перестань, Соня, ты несносна, – рассердилась госпожа де Реан. – Позабудь о ящичке и иди в сад!

Соня села на скамейку и все раздумывала, как заполучить ящик. Наконец она вскочила на скамейку и довольно потеряла руки:

– Придумала! Ящик будет моим.

Соня вошла в залу. Ящик по-прежнему стоял на столе, маменька куда-то вышла. Девочка открыла ящик и вынула оттуда все вещи. Затем потихоньку закрыла ящик, подвинула его на середину стола и пошла в малую гостиную, где лежали ее игрушки и стояла игру-

печная мебель. Соня отворила ящик в маленьком столике и спрятала туда все вещи, взятые из рабочего ящика.

— Когда маменька увидит, что в ящике ничего нет, она мне отдаст пустой ящик. Зачем он ей? Я переложу все вещи обратно в него, и ящичек будет мой.

Так рассуждала Соня и была так восхищена этим предположением, что даже не раскаивалась в своем поступке. Она думала лишь о том, как приятно иметь такой хорошенький ящик.

Утро прошло, а мать не заметила пропажи вещей, но перед обедом, когда все собрались в гостиной, госпожа де Реан вздумала показать гостям, приглашенным к обеду, рабочий ящик.

— Премилый, — говорила она, — и какой полный, в нем есть все необходимое.

Госпожа де Реан открыла ящик. Каково же было ее удивление, когда оказалось, что он пустехонек!

— Что это значит? — озадаченно сказала она. — Утром все было на месте, и с тех пор я не дотрагивалась до него.

— Вы его оставляли в гостиной? — спросила одна из гостей.

— Да, и нисколько не боялась оставить. Слуги у нас честные, не способны на воровство, — недоумевала госпожа де Реан.

— Но ящик опустел, кто-нибудь да украл же, — рассуждала гостья.

Во время этого разговора сердце Сони билось ужасно, она стояла красная как рак и дрожала как в лихорадке. Все догадались, что это она украла вещи.

– Подойди, Соня, – позвала госпожа де Реан.
Соня медленно подошла, ноги у нее дрожали.
– Куда ты спрятала вещи из ящика?
– Я ничего не брала, маменька, ничего не прятала.
– Не лги, это не поможет! – прервала ее госпожа де Реан. – Сейчас же принеси их сюда, иначе тебе сильно достанется.

Соня расплакалась:

– Уверяю вас, маменька, я ничего не брала.
– Идите за мной, сударыня.

Соня не двинулась с места. Госпожа де Реан взяла ее за руку и повела, несмотря на сопротивление, в комнату, где стояли игрушки. Она осмотрела все ящики в маленьком комоде, в игрушечном шкафчике, не найдя ничего, она начала уже бояться, что напрасно обидела Соню. Тут она подошла к столику. Соня задрожала еще сильнее: там нашлись вещи из рабочего ящика.

Ни слова не говоря, маменька высекла Соню, как ее до сих пор еще не секли. Соня кричала, плакала, но маменька не сжалилась. Госпожа де Реан вынула все вещи из ящика и унесла с собой, Соня осталась в малой гостиной, заливаясь слезами.

Ей было стыдно, так стыдно! Она не посмела выйти к обеду, и хорошо сделала, притом маменька приказала няне свести ее в детскую, где она просидела весь вечер. Соня много и долго плакала; даже няня, несмотря на то что любила и всегда баловала девочку, и та сильно рассердилась.

– Надобно запирать все на ключ, – говорила она, – а то вы, пожалуй, украдете. Как хорошо! Теперь, если

что-нибудь пропадет в доме, будут знать, где найти вора, пойдут и перероют ваши ящики.

На другой день госпожа де Реан позвала дочь и сказала ей:

— Послушай, Соня, вот что мне писал папа, посылая рабочий ящик: «Милый друг, посылаю тебе хорошенький рабочий ящик. Я купил его для Сони, но не говори ей об этом и не отдавай ящика. Если она будет хорошо вести себя целую неделю, тогда подари. Покажи ей ящик, но не говори, что он для нее куплен. Я не желаю, чтобы она вела себя хорошо из-за награды, из-за подарка, я желал бы, чтобы она была хорошей девочкой по доброй воле...»

– Видишь, – закончила госпожа де Реан, – обокрав меня, ты украла у самой себя. После того, что ты наделала, ты не получишь этого ящика, хоть бы целый месяц вела себя исправно. Надеюсь, это послужит тебе уроком, и ты вперед не будешь так поступать, так срамить себя.

Соня заплакала и умоляла простить ее. Маменька простила, но ящичек не достался Соне, а был подарен Лизе Шено, которая была милой девочкой и любила рукодельничать.

Когда добрый и честный Поль услышал о том, что наделала Соня, он так рассердился на нее, что целую неделю не хотел к ней ехать. Но когда узнал, как она горевала и раскаивалась, ему стало жаль сестру.

Он не упрекал ее, а просто сказал:

– Знаешь, Соня, как сделать, чтобы об этом позабыли? Будь честной, чтобы на тебя и подумать ничего такого не могли.

Соня обещала и сдержала слово.

Глава XIV

ОСЛИК

Соня примерно вела себя целые две недели, она ни в чем не провинилась. Поль говорил, что она давно уже не сердилась, няня – что она стала препослушной. Госпожа де Реан видела, что дочь перестала лакомиться чересчур, не обманывала, не ленилась, и ей

хотелось в награду подарить что-нибудь такое, о чем Соня больше всего мечтала.

Однажды, когда Соня и Поль играли перед домом, госпожа де Реан слышала их разговор и узнала, о чем Соня мечтает.

Поль говорил, утирая лицо:

– Ух, как жарко! Как жарко! Я весь мокрый.

– И я тоже! А ведь мы немного поработали, – жалобно отозвалась Соня.

– Еще бы! Это потому что тачки у нас очень маленькие, – объяснил Поль.

– А если мы возьмем большие огородные тачки, работа пойдет живее? – спросила Соня.

– У нас сил не хватит, чтобы таскать их, я как-то попробовал, насилу поднял, и, когда хотел сдвинуть с места, тачка перевернулась, я упал и всю землю просыпал.

– А так мы никогда не устроим садик! Прежде чем сажать растения, нам надо привезти еще больше ста тачек хорошей земли.

– Что делать! Будем стараться, – вздохнул Польш.

– Ах, если бы у нас был ослик, как у Камилы и Мадлен, и маленькая тележка, мы живо бы кончили работу, – воскликнула Соня.

– Правда. Но осла у нас нет, – напомнил ей мальчик, – надо самим работать.

– Послушай, Польш, что я придумала.

Польш засмеялся:

– Ну, уж если ты придумала, – наверное, глупость. Ты всегда такое выдумываешь.

Но Соня нетерпеливо перебила его:

– Ты сперва выслушай, а потом уж смейся. Я придумала прелестно: давай попросим, чтобы нам дали сейчас деньги, которые пойдут на обновления к Новому году.

– Так ведь не дадут!

– Какой ты! Надо попросить.

– Попроси ты, а я подожду, что тебе скажет тетя. Если да – и я попрошу у мамы.

Соня побежала к матери, которая притворилась, будто ничего не слышала.

– Маменька, – сказала она, – дайте мне вперед деньги, которые пойдут на обновления к Новому году, мне они очень нужны.

– Зачем тебе так много денег? – спросила мать. – Если для бедных, я дам все что нужно. Ты знаешь, я на это не жалею денег.

Соня замялась, не зная, как сказать:

– Нет, маменька, мне не для бедных, это... это... я хочу купить себе осла.

– Осла? Зачем тебе осел?

– Ах, маменька, нам с Полем осел так нужен, так нужен! Видите, я вся мокрая, устала, а Поль еще больше устал. Это оттого, что мы возили землю в тачках для нашего садика.

– Ты думаешь, осел возьмется за тачку вместо тебя? – рассмеялась госпожа де Реан.

– Нет, маменька, как можно! Где же ему взяться! Я забыла вам сказать, что нужна еще тележка, мы запряжем в нее ослика и сразу привезем много-много земли и не устанем...

– Недурно придумано, – одобрительно кивнула госпожа де Реан.

Соня запрыгала и захлопала в ладоши:

– Я знала, что я умно придумала... Поль, Поль! – закричала она, подбегая к окну.

– погоди еще радоваться, – осадил ее госпожа де Реан. – Ты придумала умно, но денег я тебе не дам.

– Что же... что же нам, несчастным, делать? – растерялась Соня.

– Если ты будешь вести себя хорошо, будешь умницей, я подарю тебе и ослика, и маленькую повозку.

И Соня снова запрыгала вокруг маменьки:

– Какое счастье! Какая радость! Спасибо, спасибо, милая мамочка! Поль!.. Поль!.. У нас есть и ослик... и повозочка, все есть! Беги сюда, скорей, скорей!

– Где же они? Где? – Поль забежал, оглядывая гостиную, как будто ожидал увидеть здесь и ослика, и повозку.

– Маменька нам дарит, она прикажет купить, – радовалась Соня.

– Да, я подарю вам обоим. Тебе Поль – в награду за доброту и послушание, за то, что ты ведешь себя как умный мальчик. А тебе, Соня, – чтобы ты старалась подражать твоему двоюродному брату, была бы всегда ласкова, прилежна, как эти две недели. Пойдемте искать конюха Ламберта. Мы объясним ему, в чем дело, и он купит нам ослика и повозочку.

Приглашение не надо было повторять. Дети побежали вперед. Ламберт был на дворе. Дети стали наперебой объяснять ему, в чем дело, оба вместе говорили с таким волнением и так скоро, что Ламберт ничего не понял. Он с удивлением смотрел на детей, пока госпожа де Реан не подошла и не объяснила, чего они хотят.

– Пожалуйста, Ламберт, ступайте сейчас же, нам ослик нужен до обеда, – торопила его Соня.

– Ослика, барышня, так скоро не сыщешь, – рассмеялся конюх. – Надо узнать, есть ли где продажный, надо обегать всех соседей, надо найти смиренного, чтобы не лягался, не кусался, не был упрям, не был бы ни стар, ни молод.

– Боже мой! Зачем все это? Возьмите, какой раньше попадется, Ламберт, это скорей будет, – не унималась Соня.

– Нет, барышня, первого встречного взять нельзя, я не хочу, чтобы он вас кусал и бил ногами.

– Полноте, Поль его укротит! – уверенно заявила девочка.

Но Поль был иного мнения:

– Ну, нет, я не хочу править таким ослом, который кусается и брыкается.

– Положитесь, дети, на Ламберта, – успокоила детей госпожа де Реан, – будьте терпеливы, он сумеет все сделать наилучшим образом.

– А повозочка, тетя? – спохватился Поль. – Где взять такую, чтобы можно было запрячь в нее ослика?

– Не беспокойтесь, сударь, пока тележник сделает вам повозку, я вам отдам свою, в которую собак запрягаю, можете держать ее, сколько вам будет угодно.

– Спасибо Ламберт, это чудесно, – поблагодарил его Поль.

– А долго ли придется ослика ждать? – спросила Соня.

– Неделю, другую – как придется. Завтра я пойду в город на базар, может, и попадется ослик. Я чуть свет пойду. А теперь прощайте, барчук и барышня.

Ламберт ушел, а дети остались в неутешном горе.

– Долго, пожалуй, придется ждать! – вздыхали они.

Назавтра целое утро прождали ослика. Напрасно госпожа де Реан говорила им, что это очень часто так случается, что не всегда удастся немедленно получить что хочешь, что надо приучаться ждать, а иной раз и совсем не получать желаемого. Дети тем не менее вздыхали и нетерпеливо выглядывали, не ведет ли Ламберт ослика. Наконец Полю показалось, что вдали ревет осел.

– Соня, Соня! – закричал он. – Послушай, осел, кажется, ревет. Может быть, это Ламберт?

– А может быть, это где-нибудь по дороге или по соседству? – предположила госпожа де Реан.

– Позвольте мне, маменька, пойти посмотреть! Можно, маменька?

– Ступайте, только не выходите на большую дорогу.

Соня и Поль пустились, как стрела из лука, напрямик – по траве, через кусты – и, добежав до большой дороги, увидели, что Ламберт ведет на поводу хорошенького, но большого ослика.

– Ослик, ослик! Спасибо, Ламберт! Какое счастье! – закричали дети.

– Какой хорошенький! – сказал Поль.

– Какой он добрый с виду! – сказала Соня. – Пойдем скорее, скажем маменьке.

Ламберт остановился:

– Садитесь, барчук, верхом, а барышня сядет за вами, я поведу его на поводу.

– Не упасть бы нам, – Соня с опаской смотрела на ослика, но Ламберт ее успокоил:

– Полноте, не бойтесь, я пойду подле вас. Мне его продали за смирного, доброго.

Ламберт помог Полю и Соне взлезть на ослика, а сам пошел рядом. Так они подъехали под окна. Госпожа де Реан вышла, чтобы лучше разглядеть.

Ослика отвели в конюшню, Соня и Поль засыпали ему овса, Ламберт постлал соломенную подстилку. Детям хотелось все стоять и смотреть, как ослик ест, но близился час обеда, надо было вымыть руки, причесаться, и пришлось ослика оставить до завтра в обществе лошадок.

Завтра и в следующие дни ослика запрягали в тележку Ламберта, пока тележник не сделал хорошенькую повозочку для катания и тележку, чтобы возить землю, и пока не приготовили цветочные горшки, песок – все, что требовалось для устройства сада. Поль научился

запрягать и распрягать ослика, чистить его и гладить, класть подстилку, кормить и поить. Соня помогала ему и научилась не хуже брата править ослом.

Госпожа де Реан купила вьючное седло и обыкновенное, чтобы можно было ездить верхом. Первое время няня провожала детей, но когда увидели, что осел тих, как ягненок, госпожа де Реан позволила детям ездить одним, только не выезжали бы из парка.

Как-то Соня ехала верхом на осле, Поль палочкой погонял его.

– Не бей, ему больно, – сказала Соня.

– Но если его не погонять, он не идет, притом палочка тоненькая, ему не больно.

– Знаешь, что я придумала? Не лучше ли вместо того, чтобы погонять, пришпорить его?

– Вот глупости! Во-первых, у тебя шпор нет, а во-вторых, у него такая толстая кожа, что он и не почувствует шпоры.

– Все равно, надо попробовать. А если ему не будет больно, тем лучше.

– Откуда же взять шпоры? – спросил Поль.

– Мы возьмем большую булавку и воткнем в башмак, головка останется в башмаке, а острие снаружи, – придумала Соня.

Булавки они раздобыли в кухне, а приделывать шпору решили в рощице. Пока ослик пощипывал травку, Соня и Поль сели наземь и принялись за работу. Первая булавка проколола башмак, но так согнулась, что стала никуда не годна. По счастью, осталась

другая, которая легко вошла в дырочку, Соня укрепила ее ниточкой.

Когда все было готово, Поль подвел осли и помог Соне влезть на него. Девочка начала подгонять ослика пяткой и таким образом колоть булавкой. Осел пошел рысью. Соня обрадовалась и вонзила шпору сильнее: ослик сначала пустился бегом, а потом принялся брыкаться и сбросил Соню шагов на десять в сторону. Поль, который поотстал, в испуге подбежал к оглушенной падением сестре и помог ей подняться. Оказалось, что Соня ссадила себе руки и нос.

— Что скажет маменька? — сказала она Полку. — Что мы ей скажем, когда она спросит, отчего я свалилась?

- Надо сказать правду, – отвечал Поль.
 - Ах, Поль! Не нужно говорить про булавку!
 - Что же мы скажем?
 - Скажем, что ослик начал брыкаться и сбил меня.
 - Но ослик такой смирный! Он не стал бы брыкаться, не будь этой противной булавки, – сомневался Поль.
 - Если ты скажешь про булавку, нам достанется от маменьки, она отнимет у нас ослика.
 - По-моему, нужно всегда правду говорить. Всякий раз, как ты хотела что-нибудь скрыть от тети, она все равно узнавала, и тебе за это еще хуже доставалось.
 - Зачем же ты хочешь, чтобы я сказала про булавку? Я скажу просто, что ослик брыкнул, и я свалилась. Разве это неправда? Я тут ничего не солгу.
 - Делай, как знаешь, только, по-моему, лучше признаться во всем.
 - Ты только не говори. Не скажешь про булавку?
 - Будь спокойна, я, сама знаешь, не люблю, чтобы тебе доставалось, – уверил ее Поль.
- Стали искать ослика, но не нашли. «Он убежал в конюшню», – решил Поль. И дети отправились домой.
- Недалеко от дома они встретили запыхавшихся матерей, бегущих им навстречу.
- Что случилось, дети? Вы не ранены? Осел прибежал с лопнувшей подпругой, весь в мыле, его насилу поймали. Мы испугались, не случилось ли с вами беды.
 - Нет, маменька, ничего, только я свалилась с осла.
 - Упала? Каким образом? Отчего? – заохала госпожа де Реан.

– Я сидела на ослике, вдруг он, не знаю с чего, стал брыкаться и прыгать, я упала на песок, немножко оцарапала себе нос и руки, но это пустяки.

– Почему он начал брыкаться, Поль? – с недоумением спросила госпожа д’Обер. – Я считала его пре-
смирным.

Поль смутился:

– На нем Соня сидела, маменька, он тогда стал брыкаться...

Госпожа д’Обер перебила сына:

– Я прекрасно это знаю. Только с чего он вдруг начал брыкаться?

– Это оттого, тетя, что ему захотелось побрыкаться, – с невинным видом вмешалась Соня.

– Конечно, оттого, что не хотел смирно стоять. Но все-таки это странно, – пожала плечами госпожа д’Обер.

Дома Соня пошла в свою комнату, чтобы вымыть лицо и руки, а также переменить платье, которое разорвалось и запачкалось. Госпожа де Реан осмотрела разорванное платье.

– Ты, однако, сильно ушиблась, платье все изорвано и испачкано.

– Ай! – вскрикнула няня.

Маменька обеспокоенно обернулась к няне:

– Что случилось?

– Вот так выдумка! Поглядите-ка, сударыня!

И она показала госпоже де Реан большую булавку, которой укололась, отчего и вскрикнула. Соня позабыла вынуть ее.

– Что это значит? Как булавка попала в Сонин башмак? – удивилась госпожа де Реан.

– Должно быть, не сама собой, кожу довольно трудно проколоть, – рассматривая башмак, проговорила няня.

– Объясни-ка, Соня, откуда у тебя в башмаке булавка? – голос матери не сулил ничего хорошего.

– Не знаю, маменька, право, не знаю, – смутилась девочка.

– Как не знаешь? У тебя в башмаке булавка, а ты этого не заметила?

– Право, маменька, я ничего не видела.

– Ну, барышня, это неправда, уж извините, – вмешалась няня. – Ведь это я надевала на вас башмаки и знаю, что булавки в них не было. Вы меня перед маменькой выставляете лентяйкой и ротозейкой. Это нехорошо, барышня, очень нехорошо!

Соня молчала, она краснела и смущалась все больше и больше. Госпожа де Реан приказала ей отвечать.

– Если не признаешься, я спрошу Поля, он никогда не лжет.

Соня разрыдалась, но признаться ни за что не хотела. Госпожа де Реан пошла в комнату своей сестры, госпожи д’Обер, и поинтересовалась у Поля, откуда взялась булавка в Сонином башмаке. Поль, видя, что тетя очень сердится, и думая, что сестра уже призналась, ответил:

– Это шпора, тетя.

– Какая шпора?

– Ослика пришпоривать, – пояснил Поль.

– Теперь понятно, отчего ослик стал брыкаться и сбросил Соню. Ему, бедняжке, было больно!

Госпожа де Реан воротилась к Соне.

– Я все узнала, – сказала она. – Ты лгунья. Если бы ты созналась, я бы немного пожурю тебя, но не наказала бы, а теперь простишь с осликом на месяц. И не лги более!

Соня осталась в слезах. Поль вошел и не утерпел, чтобы не сказать:

– Ведь я тебе говорил, Соня! Если бы ты призналась, у нас бы не отобрали ослика, и плакать не пришлось бы.

Госпожа де Реан сдержала слово и целый месяц не позволяла Соне ездить верхом на ослике, несмотря на все ее мольбы.

Глава XV

ОТЪЕЗД

– Поль, – сказала однажды Соня, – отчего тетя д’Обер и маменька все о чем-то шепчутся? Маменька плачет, и тетя тоже, не знаешь ли, отчего?

– Нет, не знаю. Только намерен я слышал, как маменька сказала тете: «Это ужасно: покинуть родных, друзей, родину», а тетя отвечала: «И ехать так далеко, особенно в Америку!»

– Что же это значит?

– По-моему, маменька и тетя задумали ехать в Америку.

– Но что же тут ужасного? – засмеялась Соня. – По-моему, прелюбопытно. В Америке мы увидим черепах.

– И хорошеньких птичек, там вороны не такие противные, как у нас: не черные, а красные, оранжевые, голубые, фиолетовые, розовые, – размечтался Поль.

– Там есть попугаи и птицы-мухи*. Маменька мне говорила, что их много-много в Америке!

* Птица-муха – старинное название колибри, маленькой птички яркой окраски.

– А потом еще всякие дикари: красные, черные, желтые, – сказал Поль.

Это Соне не понравилось:

– Ах, я боюсь дикарей! Я не хочу с ними жить, они еще, пожалуй, съедят нас.

– Да мы с ними жить не будем, мы увидим их, когда они приедут в город, – успокоил ее Поль.

– А зачем ехать в Америку? Нам и здесь хорошо.

– По-моему тоже. Тебя я вижу часто, наш замок недалеко от вашего. Но, пожалуй, в Америке еще лучше будет, ведь мы станем жить вместе. Если так, я люблю Америку.

Через несколько дней дети вместе с матерями поехали проститься со своими друзьями Камилой и Мадлен де Флервиль, которые очень удивились, услышав, что Соня и Поль едут в Америку.

– И долго вы там пробудете? – спросила Камила.

– Думаю, года два! Ведь до Америки так далеко! – важно ответила Соня.

– Когда мы вернемся, Соне будет шесть лет, а мне восемь, – посчитал Поль.

– И мне также восемь, а Камиле девять, – сказала Мадлен.

Соня покачала головой:

– Какая ты будешь старуха, Камила! Девять лет!

– Привезите нам из Америки разных вещей, хороших и интересных, – попросила Камила.

Соня и Поль обещали привезти из Америки плодов, цветов, птиц-мух, попугаев. Соня даже пообещала привезти маленького дикаря, если только продадут.

Следующие дни наши друзья все ездили прощаться с приятелями и соседями, потом стали укладываться.

Прощальный день был невеселым. Дети и матери сели в карету, запряженную четверкой лошадей, няньки и горничные ехали сзади в коляске. По дороге они остановились всего на час, чтобы позавтракать, и к обеду были уже в Париже, где господа де Реан и д'Обер ожидали жен и детей. Там они прожили неделю, чтобы закупить все необходимое для дороги и на время, которое предполагали пробыть в Америке.

Детям было очень весело эту неделю. Они ездили гулять в парк, в зоологический сад. Матери закупали в дорогу всевозможные вещи: платья, шляпы, башмаки, перчатки, книги, провизию. Обоим детям купили

по маленькому дорожному мешку, чтобы прятать туда мелкие вещи, съестное, игрушки, например домино, карты, мячики и тому подобное.

Наконец настал желанный день отъезда. Будущие путешественники вошли на корабль и отправились в плавание.

Капитан часто играл с Полем и Соней, объяснял им все: как корабль идет по воде, отчего паруса надуваются и многое другое.

Поль мечтал вслух:

– Когда я вырасту, я сделаюсь моряком и стану плавать на корабле с капитаном.

– Нет уж, – возражала Соня, – я не хочу, чтобы ты был моряком, я хочу, чтобы ты был всегда со мной.

– А почему бы тебе тогда не плавать со мной на корабле? – пытался уговорить сестру Поль.

Та разъясняла:

– Тогда придется расстаться с маменькой. А я всегда буду жить с маменькой, и ты со мной, слышишь?

А мы с ними здесь простимся. Соня воротилась из Америки совсем другой девочкой, и здесь кончаются Сонины проказы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава I.</i> Восковая кукла	3
<i>Глава II.</i> Похороны	10
<i>Глава III.</i> Известка	12
<i>Глава IV.</i> Цыпленок-чернушка	16
<i>Глава V.</i> Кудри	20
<i>Глава VI.</i> Лошадиное лакомство	24
<i>Глава VII.</i> Сливки и горячий хлеб	30
<i>Глава VIII.</i> Чай	34
<i>Глава IX.</i> Волки	45
<i>Глава X.</i> Садины на щеке	51
<i>Глава XI.</i> Лиза	57
<i>Глава XII.</i> Обсахаренные фрукты	60
<i>Глава XIII.</i> Рабочий ящик	70
<i>Глава XIV.</i> Ослик	76
<i>Глава XV.</i> Отъезд	90

Сегюр де С.

С28 Сонины проказы / Софи де Сегюр ; пер. с франц. А. А. Разимова ; лит. обр. Г. Н. Хондкариан ; худож. Л. Одинцова. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2011. – 96 с. : ил. – (Заветная полка).

ISBN 978-5-91921-009-2

(ЗАО «ЭНАС-КНИГА»)

ISBN 978-5-4216-0008-4

(ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС»)

Маленькой Соне всего четыре года. Озорная и непослушная, вместе с двоюродным братом Полем и подругами Камиллой и Мадлен она все время придумывает новые игры и развлечения. Нередко Сонины шалости грозят обернуться большой бедой. Однако девочка постепенно избавляется от своих недостатков.

Автор историй о Соне – французская писательница XIX века Софи де Сегюр (урожденная Ростопчина), чьи книги для детей до сих пор очень популярны в Европе.

УДК 82-053.2

ББК 84(4Фр)

Литературно-художественное издание

для младшего школьного возраста

Софи де Сегюр

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ

Художественный редактор *А. Н. Корниенко*

Технический редактор *Н. В. Савостьянова*

Компьютерная верстка *С. П. Моргун*

Корректор *М. В. Пржевальская*

Подписано в печать 25.06.2010. Формат 70×90^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.

Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 6,7.

Тираж 3000 экз. Изд. № 904. Заказ № 3809.

ЗАО «ЭНАС-КНИГА».

ЗАО «Издательство НИЦ ЭНАС».

115114, Москва, Дербеневская наб., 11.

Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru <http://www.enas.ru>

Отдел реализации.

115114, Москва, Дербеневская наб., 11.

Тел. (495) 913-66-20. E-mail: adres@enas.ru, inout@enas.ru

Фирменный магазин «Специалист».

115201, Москва, Каширский проезд, 9, стр. 1.

Тел. (499) 619-48-09. E-mail: magazin@enas.ru

Обсуждение книг – в сообществе *book_vs_life*

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»

«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».

214000, Смоленск, просп. им. Ю. Гагарина, д. 2.

